

Елена
Истюмина

ВЕДЬМА для
СЕВЕРНОГО
ВЛАДЫКИ

Елена Истомина

Ведьма для Северного Владыки

*Текст предоставлен правообладателем
2022*

Аннотация

– Ты едешь со мной

От неожиданных слов мага, я аж вздрогнула.

– Зачем?

– Ты мне подходишь! – правитель Северных земель вынес мне, считай, что смертный приговор.

– Я не могу! – ответила с мягкой улыбкой. – Я уже не свободна. У меня есть жених. Я люблю его.

– С глаз долой – из сердца вон, – равнодушно отмахнулся гость. – Если без любви не можешь – придется полюбить меня, – в холодных, зеленых глазах чужеземца была злая насмешка.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	74
Глава 10	82
Глава 11	89
Глава 12	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Елена Истомина

Ведьма для Северного Владыки

Глава 1

– Марта! Сними фасоль с огня, пока не подгорела! – требовательно кричит кухарка, с другого конца огромной княжеской кухни и я, бросив резать лук, несусь к камину, в котором висит котелок с фасолью.

Не приведи боги, подгорит, влетит мне по первое число тогда.

Сегодня все особо нервные! Еще бы! К молодой кнесенке едет свататься верховный Маг Северных земель! Неслыханная удача!

Правда проехал он уже много княжеств, хуторов и станиц, в поисках невесты, заходил, говорят, даже в самые простые дома, но даже всеми признанные прелестницы, умницы и ручкодельницы, не подошли под его требования. А какие они, никто не знает.

Говорят, он просто в глаза девушке смотрит несколько мгновений неотрывно, разочарованно изрекает – Не та. И уходит не прощаясь.

Наше княжество, последнее на южном пути осталось. Дальше, лишь навьи болота непролазные остались. А что за ними, никто не знает. В них даже верховные, не заходяживают. Тамошние обитатели, еще никого живым не выпустили. Даже верховный Жрец Перуна¹ и тот сгинул позатем летом, защитную волшбу княжества обновляя.

Так, что князь Радомир наш, доволен чрезвычайно. Поскольку Магу идти боле некуда, он и уверен, что выбор его падет, на дочку его Радмилу, та и умна, и пригожа, и ткать и вышивать умеет, и силы слова не лишена. Кровь в секунду заговаривает, а уж если обозлиться на кого, что правду сказать, редко бывает, но, если случится – горе тому! С неделю под глазом фурункул будет с голубиное яйцо величиной.

Так, что князь наш, зятя, будущего ждёт – не иначе!

И приказ у нас один! Чтобы все и во всем идеально было!

– Марта! Ты щуку сливками залила? – тут же кричит кто-то из девок.

– Марта! Бесы тебя раздери! Ты здесь еще! Немедленно в личные палаты кнесенки беги! Тебя кличут, уж четверть часа как! – злобно кричит один из личных княжеских слуг, прямо над ухом.

Я подпрыгиваю.

Если княжичи зовут, тут уж не до сливок!

Бросаю все и несусь в другое крыло терема, в личные па-

---

¹ Перун – у древних славян, бог покровитель воинов, защитник мира яви, мира людей.

латы кнесенки. За щукой, найдется, кому присмотреть.

В животе неприлично громко урчит. Дело уж к полудню близится, а я еще и кусочка хлеба не проглотила. Все кругом, бегом, о стенку лбом.

Ну, ничего! Не только я, так сегодня. Всем продахнуть некогда.

А вот уедет маг, да если еще и кнесенку с собой забереет, работы у нас в раз поубавиться, а князь всем жалование утроить обещал, если с нашей стороны, все как надо пройдет, без единого укора. Вот мы и стараемся! Кому ж тройного жалования не хочется.

Жаль только с Михалом не увижусь, в день его именин!

Ну да ничего! Времени у нас еще много будет! Вот попросит он моей руки у князя после сбора урожая, и заживем складно да рядом.

Князь не откажет! Он благоволит молодым! Свадьбы на свои деньги играет. Роду жениха избы молодым ставить помогает, и приданое дает. Чтобы княжество его естественным приростом увеличивалось. А земли-матушки и даров ее, хвала богам, на всех хватает, край у нас теплый, плодородный, голода уж несколько веков говорят небывало.

Улыбаясь своим мыслям, я и не заметила, как до княжеских палат добежала.

Оправила передник, пригладила волосы, постучала.

– Входи.

Вошла и поклонилась княжеской дочери. Сидела девица

золотоволосая, ни мертва, ни жива. Сидит на лавке под окном, словно кол проглотила и вздохнуть страшиться. В очах голубых испуг со страхом плещутся. Как будто вурдалаку на обед ее готовят, не иначе. Девкам своим, даже песни петь к сватовству положенные, запретила.

– Помоги мне, Мартушка, боль головную уйми. Голова, того гляди, расколется, – просит кнесенка стараясь держать лицо, а сама едва не плачет.

– А ты расслабься, милая, боль и пройдет. – Говорю, как ребенку, с ласковой улыбкой. – У тебя страх в глазах плещется, вот от него то все нервы и сжались до боли. Неужто не рада жениху такому знатному?

– Рада, очень рада! Говорят, он прекраснее молодого Дажьдбога, а силой сравним лишь с Ярилой, а лишь ему светило по небу двигать позволено. Да только маг он, а не ведун и не жрец! Понимаешь?! Маг! А у магов сила темная! Навьи² Боги их питают!

В голосе молодой княжны слышатся, слезы, что душу мне рвут и тревожат. Я ведь с детства при ней. В подружках, одними няньками мы выращены.

– У Творца всевышнего, нет ни тьмы, не света, Что Боги Нави, что Боги, Прави, все дети его. Для него все едины и одно без другого не может. Через них Творец Всевышний, все грани бытия познает, – попыталась утешить я несчастную.

– Так оно! За свет, я может быть ему и полюбуюсь, да толь-

---

² Навь – нижний мир где обитают темные сущности и души умерших.

ко, говорят люди, что три жены у него уже были и все родами почили, вместе с младенцами, не разрешившись. А еще говорят, что драконом оборачиваться может. Черным как ночь. Страшно мне, Мартушка.

Бедняжку аж передернуло, и слеза по щеке побежала.

– Жить бы с ним жила, а рожать – нет. Боюсь. И теперь боюсь, что он в глазах моих сие прочтет, зато и не выберет. А батюшка тогда прогневится, со свету сживет!

– С чего б? Ни тебе одной откажет ведь.

– Ты батюшке, это скажи! Он уже седмицу орлом летает.

– Ну, расстроиться, так и что с того? Не твоя печаль, что маг привередлив больно!

– Как же не моя! – всплеснула руками кнесенка. – Улыбалась, скажет не ласково.

– А ты улыбайся, да взгляды жаркие в мага, словно стрелы перуновы мечи, что б оттаяло его северное сердце, – попыталась подзадорить я хмурую девушку, но та, лишь сморщилась еще больше.

– Не до смеха мне сейчас! Помоги, говорю.

Свита кнесенки расступилась, я подошла к ней сзади, положила руки ей на плечи и охнула, они просто гудели от напряжения.

– Закрой глаза и подыши глубоко, расслабься, сколь можешь.

Кнесенка послушно прикрыла глаза, а следом за ней и я. Пара секунд и я перестроилась на внутреннее зрение.

Это у меня врожденное, с детства закрываю глаза и вижу, как человек светится, теми или иными цветами, и как он изнутри устроен тоже, вижу. Как кровь по всем членам бежит, ощущаю. Лечить могу, если, что-то темное увижу, потоки своего личного света направляю, он тьму на тонком теле человека и выжигает. Правда, если, что серьезное, то слабость потом долго, а то и вовсе заболеть могу, но людям никогда не отказываю, права не имею.

Наделили Боги даром – будь добра, во благо используй. Тогда и сама не пропадешь.

Мне б к ведунье Милодаре, в ученицы пойти хотелось, что б глубже природу дара своего изучить, да развить его. Да только противится князь тому от чего-то. При себе, на кухне держит, да у кнесенки в подружках.

Родители мои тоже при князе служили, отец воеводой был, да погиб еще до моего рождения, а мать при княгине распорядительницей была, да родами моими померла.

Пожалела сироту Княжна-матушка, в память о заслугах родителей, при няньках дочери своей растила, я матушкой ее звала всегда с дочерними чувствами, однако и место свое всегда знала. Няньки неусыпно, по сто раз на дню упоминали, что роду я хоть и славного, но не княжеского. А мне с того и печали не было. Росла в тепле, уюте, не без ласки даже. Чего еще желать?

Сияние у Кнесенки было низкое, холодное, не обтекало тело плавно, как и должно, а ершилось прерывисто и почти

ощутимо кололось.

– Эко ж тебя скрутило, милая.

– Ведь не напрасно ж ему Боги род свой продолжить не дают! Видать прогневал чем-то самых высших в пантеоне, – шепчет Радмила словно сама себе и ершистость ее на тонком плане лишь больше крепчает.

– Расслабься, говорю! Не пускаешь меня! Колешься как ежик лесной.

Радмила еще несколько раз глубоко вздохнула, но ничего не вышло. Страх ее был слишком силен и от носильных попыток расслабиться, въедался в глубь тонкого тела кнесенки все прочнее.

– Эх! Знала бы, что так серьезно все будет, поела бы хоть.

Но делать нечего, оставить девушку в таком состоянии нельзя.

Положила руки Радмиле на голову, расслабилась и ощутила, как сила послушно и привычно, протекла по рукам, разогревая их. Сила моя, покорно наполняла Радмилу, я чувствовала, как напряжение и страх, растворяются в ней. Дыхание становится ровным, сердце бьется все спокойнее, а у меня, с каждым ее ровным вдохом, ноги трясутся все больше. Но остановить поток силы, я не могла. Он всегда прекращается сам, когда просящий помощи исцелён. Но сегодня, идет и идет, идет и идет, сердце моё ускорило стук, и бьётся так быстро, как никогда прежде.

Руки трясутся, в голове туман, кажется, что душа уже с

телом расстается, а поток не прекращается, кнесенка не отпускает. Пьет меня словно упырь болотный.

Вижу, как держит силу мою, хоть и надобности уж в том, казалось бы, нет, а держит! Сознательно держит! Пьет. Нагло и бессовестно.

Из последних сил обращаюсь к роду, что весь давно уже по другую сторону нашего мира;

– Заступитесь, родичи! За спиною встаньте, от лихого избавьте! Матушка! Батюшка! Дедушки! Бабушки!

– Приехал! Ваша Светлость! Приехал жених!

С громкими криками, в палаты кнесенки без стука ворвался, личный распорядитель князя, Светозар.

Радмила вздрогнула, контакт разорвался.

– Слава вам, родичи! – искренне возблагодарила, без сил навалившись на стену, руки и ноги от слабости дрожали словно листья на ветру.

– Приехал?

– Да! И в нетерпение. Сразу вас потребовал! Поспешайте!

Светозар отошел от двери, пропуская кнесенку.

– Да совет мне Макошь³ нить судьбы удачливой.

Кнесенка направилось было к двери, вдруг замерла и ко мне обернулась.

– Пойдем со мной, Марта! Верней тебя, у меня ведь нет никого! С детства ведь вместе! Подруженька верная моя!

---

³ Макошь – у древних славян, богиня, что вместе со своими дочерьми Долей и Недолей сплетает всем людям нити судьбы.

Мне с тобой спокойней будет! А коль в жены возьмет, то я и тебя с собой возьму. Распорядительницей моей будешь! Будешь?

Кнесенка щебетала, подобно летней, беззаботной пташке, от страха перед женихом и следа похоже не осталось.

А у меня хоромы ее перед глазами плыли, руки ноги онемели, словно и нет их, куда мне перед магом представлять.

– Да я же с кухни. В переднике, в платье простом, куда мне в зал приемов.

– Сымай передник, и пойдём! Ты ж подружка! Не невеста!

Сказала это Радмила весело со смехом и рада я была безмерно, что не меня смотреть едут, а все ж, отчего-то обидно стало от слов ее, словно кошка по ранке какой царапнула невзначай.

Девушки сняли с меня передник, и мы спешно пошли к залу приемов.

– Хоть бы не соврала молва, про его красоту! Хоть бы не соврала! – шептала кнесенка, по пути.

А я только диву давалась; неужели ее страх и ужас были притворными, нарочно напущенными, и она просто хотела подпитаться моей силой? Зачем?

Ответ был ясен как весеннее небо; чтобы сила ее, была более ощутима для мага.

Осознание того, что меня просто провели и использовали, больно укололо в самое сердце.

А еще подругой называла!

Могла бы ведь и просто попросить меня, силой поделиться. А не обманывать. Знает ведь, прекрасно, что я б не отказала. Только рада буду, если девке с замужеством свезет. Двадцатый год уже девке, давно пора. Да просить ей видно не по чести стало, с этих пор.

– Пожелай удачи, подружка! – у входа в зал приемов, кнесенка, крепко сжала мою руку.

– Желаю! От всей души и сердца! – я ободрила хозяйскую дочь улыбкой, и распорядитель распахнул перед нами двери зала приемов.

Кнесенка уверенными шагами пошла вперед. Я, как и положено сопровождению, держалась в двух шагах позади, слева.

Гость сидел в высоком кресле, рядом с князем, с задумчивым видом вертел в руках кубок с вином. Как только мы вошли, оба мужчины встали.

Маг впечатлил сразу, невероятно высокий, широкоплечий, в черных одеждах, с черными длинными, волосами и болезненно впалыми щеками, как будто у него не здоровый желудок, но больше всего, меня поразили его глаза.

Насыщенный изумруд. Настолько насыщенный, что во тьме, наверное, сияют подобно звездам в ясную ночь.

Светят, но не греют. Взгляд в них невероятно холодный.

Такой, какой бывает, наверное, у еще живого, телом, но уже мертвого душой человека. Ничего его давным-давно не радует, не возбуждает интерес, не способно рассмешить, или

вывести из себя.

Такой человек, всегда живет только ради одной какой-то своей цели, а другое ему не интересно и не нужно. Он уже давно все познал, ничем его не удивишь.

Сразу стало не выносимо жаль кнесенку, девка с ним пропадёт, еще раньше, чем родит. Увянет без радости и ласки. Да и о красоте мага, слух весьма преувеличенным оказался.

Он подозрительно на упыря похож. Пьет, наверное, жизненные силы жен, вот им их и не хватает, чтобы разродиться.

Посмотрела бы, как он светится внутри, так ли тёмн, как кажется, да боюсь, учует, что смотрю, и недоброе будет нам всем от этого.

– Вот дочь моя, Радмила! Двадцатое лето идет уж, не сватана, Обучена всему согласна традициям земель наших. Сила слова ей присуща.

Я князя давно знала и сейчас прекрасно слышала, как он взволнован и не рад гостю. Небось, увидев мага, воочию, передумал кровиночку отдавать и сейчас, всем богам молится, что б и она ему не подошла.

– Подойди ближе, прелестница.

О боги! У него и голос, еще очень тихий и хриплый, но не услышать его и не повиноваться ему, просто невозможно. В нем какая-то нечеловеческая воля. От него мурашки по спине бегут и бежать хочется, как можно дальше, не оглядываясь.

Радмила подошла на три шага и замерла, повинувшись под-

нятой руке мага.

Воцарились невероятно тяжелые и долгие секунды ожидания. Мне даже показалось, что сам воздух меж этими двумя, загустел и заискрился от силы мага.

Кнесенка стояла не двигаясь, лишь задышала глубже.

Интересно, что она сейчас чувствует? Должно быть, жутко неприятно, когда копаются в твоей голове.

Секунды складывались в вечность, князь бледнел все больше. Напряжение стало просто невыносимым. Вот и Радмилу чуть влево шатнуло. Князь, неотрывно смотрящий на свою дочь, аж вздрогнул.

– Не подходишь. Прости, – Маг слегка махнул рукой приказывая кнесенке отойти.

Хвала присветлым! Я, едва в ладоши от радости за девушку не захлопала. Уверена, что теперь, увидев мага воочию, она и сама не расстроена. Вон как спешно к дверям отбежала. Хотя должна была рядом с отцом встать.

Я ободряюще улыбнулась ей и вдруг услышала:

– Подойди!

Поначалу даже не поверила, что маг обращается ко мне. Но смотрел он именно на меня, очень пронизательно, не моргая даже, так, словно хотел одним своим взглядом все мое прошлое выведать, все мои тайны прознать.

Что ж пусть. Скрывать мне нечего.

Вскинула повыше голову, расправила плечи и неспешно, с достоинством подошла. Бояться мне все равно нечего.

Остановилась, по взмаху руки Мага и как не странно, ничего не почувствовала. Никакого воздействия, никаких ощущений. Он просто смотрел мне в глаза. Точнее, я ему в глаза смотрела. Я не чувствовала от его глаз никакого притяжения или принуждения. Мне самой было интересно в них смотреть. Вот и смотрела.

Хотелось понять, какая ж тварь так выжгла весь огонь его души? Не оставив не единой искорки, даже самой маленькой радости.

Кому ты продался маг? За что? Или зачем?

Это точно боги не нашего мира. Наши, даже самые темные, так не пьют своих служителей. Они вообще никого не пьют. Они просто за порядком в мире следят, каждый в своей области, а свое, через требы бескровные получают, да костры, что во дворах их храмов, ни днем, ни ночью не угасают.

Так откуда ж ты на самом деле пришел, Маг северных земель?

– Ты зачем пить себя позволяешь? – строго спросил маг минуты через две, наверное, но как ни странно, стоять перед ним в затянувшемся молчание мне было совершенно не в тягость.

– Ей успокоиться нужно было, перед встречей с тобой, – ответила спокойно, не опуская головы.

– Скорее, подпитаться, – усмехнулся маг. – Вся ее хваленая сила, через тебя была. Тебя просто бессовестно пили всю твою жизнь. С первого дня, так, что ты и сама этого не за-

мечала.

Ах вот значит, зачем я нужна была тебе в распорядительницы, Радмила Радомировна!

– Мне не в тягость, ваше сиятельство, – я старалась отвечать ровным тоном, что б и не понял никто как мне больно сейчас от открывшейся правды.

– Тьма не сияет, девочка, тьма – поглощает свет. В своем краю, я государь, господин, владыка.

Я лишь кивнула. В нашем краю, обращения государь и господин, он никогда не удостоится. Нет у нас господ и повелителей! Мы даже с богами своими на ты. Мы им не рабы. Мы – их прямые потомки, дети их мы.

– Ты едешь со мной, – приказным тоном заявил Маг.

От неожиданности, я аж вздрогнула.

– Зачем?

– Ты мне подходишь! – Правитель Северных земель вынес мне, считай, что смертный приговор.

– Я не могу! – ответила с мягкой улыбкой. – Я уже не свободна. У меня есть жених. У нас все по согласию. Я люблю его.

– С глаз долой – из сердца вон! – равнодушно заявил Маг. – Если без любви не можешь – придется полюбить меня, – в холодных, зеленых глазах, была злая насмешка.

– Любовь, по “Придется” не возникает, ее либо заслужить нужно, либо разжечь в трепетном женском сердце. На что вы, Маг Северных земель, смею предположить, – вряд ли спо-

собны, ответила, дерзко, с такой же усмешкой.

И пусть хоть сожжёт теперь на месте! Быстрая смерть мне сейчас предпочтительнее. Все лучше, чем мучиться несколько часов в родах, как его предыдущие жены, и умереть вместе с дитём.

– А я смею вас уверить, младое создание, что не стоит быть настолько самоуверенной в вашем возрасте. Час тебе на сборы.

Глава 2

– Вы отобедайте пока. Отдохните, с дружиной своей, а я распоряжусь, чтоб девушке приданное собрали. Пойдем Мартушка. Пойдем, хорошая.

Голос князя долетал до меня откуда-то из глухой дали. Я словно бы провалилась в какое-то междумирье. Смотрела на все происходящее в зале приемов со стороны и не верила в реальность всего этого.

Князь подхватил меня за руку и поволок за собой. Мои онемевшие ноги заплетались, голова кружилась, сердце стучало как сумасшедшее.

Ну нет! Это все не может быть правдой! Проснись, Марта! Проснись!

– Лукерья! – князь кликнул смотрительницу женской половины терема.

Высокая плотная женщина, от сорока лет на вид, тут же оказалась перед князем и отвесила ему положенный поклон.

– Его превосходительство, Марту нашу выбрал. Невеста она теперь его. – отчеканил князь четко и важно. Без тени волнения. – Отбывают через час, собери ей приданное, как положено! Равно дочери княжеской! Торопись!

– Да как же, за час то? – опешила женщина.

– Живо, я сказал! И трех девок по проворнее, ей пришли, собратья.

– Да, ваше сиятельство! – Лукерья поклонилась и бросила на меня взгляд полный сочувствия.

А князь уже тащил меня дальше к женской половине терема, на которой была моя комнатка.

– Ты рубашку бережную жениху, закончила уже вышивать? – спросил на ходу.

– Закончила. Но ему дарить не стану! Хоть убей! – заявила решительно. – Не для него ткалась, не для него вышивалась! Не для него, я в каждый стежок вышивки силу свою вкладывала! Ничего из того, что любимому желала, я пришлому, чужому, пожелать не могу! Не люб он мне!

– Ну, щас не люб, чрез время станет, – мягко улыбнулся князь, остановившись и взяв меня за руки. – Ты только не шарахайся от него, дай возможность понравится.

– Да он и стараться к тому не будет! Не видишь разве – мертвая душа его и глаза точно лед холодные! – меня аж передернуло, как те колдовские очи вспомнила.

– Ты хулу то не носи! Получше меня еще о бессмертии души тебе известно. А что глаза ледяные, так лед, это ж вода, от тепла сердечного растает и в ручеек ласковый превратиться, тебе же ножки омыwać станет.

Я чувствовала, что князь говорил со мной искренне, по доброму. И наставлял он меня правильно. Покорной, послушной, да ласковой с мужем быть, а там, глядишь, все б у нас чрез это и сладилось. Да только, где ж мне сил взять на покорность чуждому, не любимому?

Да и надо ли? С первой ночи ж понесу, а дальше, лишь денечки считать, да Марену – матушку встречать.

Я понимала, что просить князя спасти меня от брака с нелюбимым чужеземцем – пустое. Князь, мага боится, и перечить ему ни в чем не посмеет. Он бы и дочь, единственную покорно ему, отдал, а про меня, что уж и говорить. Поэтому, попросила о другом, сейчас, куда более важном;

– Дозвольте с Михалом проститься! Умоляю!

Князь посуровел и немного оттолкнул меня от себя.

– Не позволю. Ни к чему вам души рвать друг другу! Ты письмо ему напиши, как уедете, передадут. Но прошу – будь благоразумной! Не проси его о спасение, если любишь.

О таком я и не думала! До северных земель, простым смертным не добраться, ни лошадьми, ни кораблём. Только пространственными порталами, которые открыть под силу только высшим жрицам и магом. Таким как мой теперешний жених.

– Собирайся, за тобой пришлют.

Князь решительно развернулся и быстро пошел прочь.

Я влетела в свою комнатку и замерла, заламывая руки. Очень хотелось упасть на тахту и расплакаться, от страха и жалости к себе, но даже на это у меня не было времени. Открыла ящик стола, извлекла бумагу и чернильницу.

– Платье Марты, слишком простые! Выберите пять, нет, лучше семь, из моих! Еще рубашки, сорочки, украшения, сапожки, пояса. Ай! Сама пойду! Рада! С ней будь!

– Слушаюсь.

Разговор в комнатке, что три на три шага, снова долетал до меня как из далекой дали. Мне не было до него никакого дела, как и до приданного, что мне собирают.

Надо было писать, а руки предательски тряслись. Сделала пару вдохов, чтобы успокоиться и утерла слезы, чтоб бумагу не укапать. Строчки полились сами собой:

Михал! Милый мой, Михал!

Князь Северных земель, что к кнесенке свататься приезжал, не ее, а меня выбрал, подхожу я ему, по одному ему известным требованиям.

Уезжаю я, не по своему желанию, но за ради блага княжества нашего.

Никогда тебя не забуду! За каждую секундочку с тобой проведенную, богам благодарна без меры. До последней секундочки, только мыслями о тебе жить и буду, сердцем своим и душой своей, лишь твоя я до конца дней своих. Не сомневайся в том! Но тебе по мне, печалится не велю.

Найди девицу покладистую, ласковую да женись, не позднее следующего Купалы. Детишек народи, в заботе о них, и счастье тебе отыщется.

А меня вспоминай иногда, как приятный летний ветерок, что ласкал тебя своим теплом, одним далеким летом.

Сердце, с каждым словом, обливалось кровью, и замирало от боли. Ничего не смогла больше написать. Просто умерла бы, горем и безысходностью захлебнувшись.

Подула на чернила и свернула бумагу.

– Передашь Михалу завтра, как искать меня станет.

– Передам, Мартушка. Не беспокойся, – кивнула младшая прислужница, Рада, утирая со своих щек слезы сочувствия. – И как же тебя бедную то угораздило только! Говорят, весь южный и восточный край маг объехал, и надо ж было! Только ты ему и подошла! Столько хорошего ты даром своим для нас сделала! Стольких спасла, а вот он же и подвел тебя, выходит!

– Не один волосок с наших голов не упадет, без повеления богов, наших, значит так, и бывать тому. Подумай, для чего тебе дано сие? Что несет тебе? Чему учит?

Видит Творец всевышний! Я и не помню, сколько раз, я эту фразу говорила хворым, что за помощью шли ко мне и никак и подумать не могла, что однажды мне самой на него отвечать придется, да еще в ключе, который важнее здоровья, пожалуй.

Но и об этом сейчас думать некогда.

Вещи мне соберет кнесенка, думаю и князь приданным не обидит, чтобы не прослыть жадобой перед правителем Северных земель, значит, собирать мне нечего. Мои простые хлопковые сарафаны, мне теперь, не по статусу, вроде как. Мне теперь бархат с шелками положен, да шубы из шкур редких животных, что только в Северных землях и обитают. А значит и собирать мне с собой нечего, разве, что памятные вещицы, что умещаются всего в одной шкатулке, да несколь-

ко полезных книг, по взаимодействию сил природы со светящейся структурой человека.

В библиотеке у мага, наверняка не одна тысяча подобных, интереснейших трактатов, но допустят ли меня до них, вопрос большой. И хоть мои, понятно дело, перечитаны мной уже не на раз, а все же, всякий новый раз, открываются мне по-новому, открывают свои тайны мне постепенно, в соответствии с увеличением моей природной силы и осознанности.

Встала, вытащила из-под лавки сундук со своими простыми платьями и сорочками, выложила их на лавку, а в сундук сложила книги да шкатулку с подарками кнесенки, да князя, на именины. Сережки жемчужные, пояс бисерный, да гердана с рунами Макоши. Кнесенка сама мне их плела, этим они мне особо ценны были. Сохраню на память, о добрых ко мне людях. Вряд ли, я их еще когда-нибудь увижу.

Еще, в шкатулке лежала брошь из бирюзы, мне ее однажды, ныне уже почившая княгиня подарила, со словами, что когда-то эта брошь, моей матери принадлежала. Якобы папа ей ее подарил, и мама ей очень дорожила.

Мне тогда восемь лет было. Взяв брошь в руки, я не почувствовала от нее родного тепла. Моя мать ее точно никогда в руках не держала, но брошь я взяла с благодарностью. Ничего княгине не сказав, рассудив, что добрая княгиня поддержать меня хотела. Отдав вещь якобы от матери.

А еще, в шкатулке, лежало колечко серебряное, мне Ми-

хал лично его изготовил. Звездой Лады украсил. Вот его точно, пуще глаз своих беречь буду. Единственное, что там будет давать мне силы жить.

– Тебе бы в баньку на дорожку то, – вздохнула Рада.

– Уезжаем, меньше, чем через час уже. Не до баньки, – горько вздохнула я. Было бы не плохо, хоть как-то время потянуть, а мне б к волхвице нашей сбегать, может подскажет чего. Если уж никак избежать нежеланного союза, то хоть как выжить в чужом краю без всякой поддержки.

– Словно вор с добычей убегает, иноверец проклятуший, – проворчала Рада, насупившись. – Он хоть красивый?

– Холодный как полоз болотный, – я невольно съёжилась.

– Потрогала уже? – выпучилась Рада.

– Я про глаза.

Не зная, чем себя занять, я села. Затем встала и принялась мерить комнатку шагами.

Никак не верилось, что происходящее со мной, правда, а не сон. Еще ложась с вечера спать, я и подумать не могла, что меня заберёт в чужой край, чужой и такой страшный мужчина, да еще в качестве своей нареченной. Супротив воли моей.

– А правду сказывают, что он в змея крылатого оборачиваться может? – тихонечко спросила Рада, и взвизгнула, испугавшись настойчивого стука в дверь.

– Входи! – крикнула я, ожидая увидеть кого-то из челядников.

И на пороге действительно замерла насмерть испуганная Яринка. С нарядным, красным, вышитым серебром, платьем в руках.

– Тебя жених, к столу требует. Праздновать обручение, – заикаясь пролепетала, вусмерть перепуганная девчонка.

Глава 3

– Чего ж ты бледная такая, словно он меня зажарить приказал? – нервно улыбнулась я.

– А кто его знает! Может и прикажет! – с круглыми глазами зашептала девчонка. – Сидит там вроде и живой, а глазами то мёртвый давно уж.

Мне осталось лишь горько вздохнуть.

– Значит, не показалось мне.

– Не показалось. Сидит, вино одно хлещет, к еде и не при-трагивается. Вот увезет тебя еще не венчаную, а что по дороге с тобой сделает, только он один и знает. Никто за тебя с него и не спросит.

Сиянка всхлипнула и вытерла слезинку. Я лишь горько усмехнулась, умеет подруга поддержать, что тут скажешь.

– Молчи, дуреха! – прикрикнула Рада. – Переодеться помоги лучше.

Девушки быстро меня переодели, нашлись и сапожки, и очелье⁴ камнями изукрашенное, сережки из крупного морского жемчуга. Все красивое, дорогое и редкое, но меня ничуть не радовало. Все чужое телу моему, сути моей. Чувствовала себя актеркой в потешном театре, которую хозяин заставляет играть нужную ему роль, потому что сама я, ему

---

⁴ Очелье – Налобная повязка у древних славян.

нисколько не интересна.

Все с себя сорвать хотелось, под лавку забиться и одеялом укрыться, чтоб не нашли! Не трогали. А еще лучше к Михалу бежать, а вместе с ним в леса дремучие. Да хоть в навьих болотах сгинуть с любимым, мне сейчас милее, чем уехать с чужим, нелюбым и, странным таким.

Да только без толку все. Не спасет меня Михал. Дратьсякинется, погибнет, в болота убежим, так маг прогневится и вполне может все княжество вырезать. Ни в чем неповинный люд погибнет. От младенцев до старцев. Не присуща магу жалость, а значит, и выбора у меня нет.

Увы, ни только за себя отвечаю.

Тяжко выдохнув, пошла уверенной походкой в залу приемов.

Челядь носилась по коридорам как ужаленная, но несмела и слово вымолвить, а на меня теперь все смотрели со страхом, шарахались даже, как будто у меня голова теперь змеиная.

Теперь и я для них чужая. Позабыли уже ту Марту, с которой еще с утра хлеб делили. Бояться немилости мага и всех богов молят, чтобы мы поскорее убрались отсюда.

С глаз долой – из сердца вон! – так и для князя с кнесенкой будет.

– Все, как положено, будет, не изволь сомневаться, – услышала, я голос мага входя в залу.

Увидев меня, маг встал и отодвинул мне стул рядом с со-

бой. Осмотрел меня очень внимательно, но прежнее недовольство из глаз не исчезло. Знать, все же не нашел, что искал, просто дальше ехать уж и некуда, а меня выбрал только зато, что сил у меня больше чем у кнесенки.

Что ж так у него за требования к жене раз этакие?

Скоро узнаю. Как бы мне того не хотелось.

– Садись нареченная моя, не бойся, – произнес очень холодно, равнодушно.

– Как имя твое? Как обращаться к тебе? – спросила тем же тоном, глядя прямо в холодные глаза мага.

– Имя мое Яромир, обращай ко мне – государь.

Я лишь голову выше вздернула:

– Я уже сказала; нет у нас ни господ, ни государей, ни повелителей! Мы творцу не рабы! Мы дети, его. Наши души – частички света его животворящего, и все мы равны меж собой на земле.

– Равны? – зло усмехнулся маг. – Ты, правда, в это веришь?

– Я не верю – я знаю, – ответила с теплой улыбкой, как дитю неразумному.

– Отчего ж тогда серьги жемчуга морского, да очельник яхонтовый, в первый раз на тебе сейчас, а на кнесенки твоей, он с колыбели? Отчего ты ей всю жизнь сапоги надевала да застегивала, а не она тебе?

– Каждая душа сюда за своим путем приходит, сама себе опыт выбирает! То, что ей прожить интереснее будет сейчас.

Из чего опыт наибольший сможет вынести, – сказала и тут же язык прикусила, да поздно.

Заблестели у мага глаза, пуще прежнего.

– О, как! Так значит, это ты сама меня себе в мужья выбрала? А чего ж дрожишь от страха тогда и рядом присесть боишься?

– Не боюсь! – расправила плечи и прошла к своему месту с достоинством, села рядом с женихом. – Знать судьба мне такая – княжество свое от твоей немилости спасать.

Радомир, сидевший напротив, тяжело вздохнул от слов моих и уперся взглядом в кубок с вином.

– Хорошую дочь ты вырастил Радомир, достойную, – так же холодно похвалил маг князя. – Гордись.

– Горжусь! – кивнул князь, а от меня не укрылось, как он вздрогнул, когда Яромир меня дочерью его назвал. Вздрогнул так, словно маг мне тайну страшную открыл.

Или действительно открыл?

Невольно уставилась на князя в упор и перешла на внутреннее зрение, сияние у князя было тусклое, подавленное, что не удивительно, но меня сейчас интересовали лишь ниточки родства. Кровного родства.

Долго смотрела, всматривалась, как могла, но ничего не увидела, кроме обычной привязанности, к милому ребёнку, которая всегда была, и чувство долга. Перед отцом моим. Воеводой князя и другом его верным.

– Чувство, долга действительно есть и еще какое, – услы-

шала я внутри себя голос мага. – Полюбила матушка твоя князю, да только княгиня не дала позволения мужу вторую жену брать. Силы ее, испугавшись, а без позволения старшей жены, младших не берут. Сама знаешь, обычаи ваши.

– Но супротив воли жены, князь согрешил, и я была зачата, вне семейного союза! – обидная догадка кольнула сердце так, что я чуть не задохнулась от боли.

– Верно. Воеводе, твоя матушка тоже дюже любя была, вот он их и с женил скоренько. После отказа княгини. Боялся, что княжна волхвичку изведет до смерти, к мужу ревнуя.

– Они знали от кого я?

– Только мать знала, а каждый из мужчин надеялся, что от него. Волхвичка нарочно родственные узы скрыла, чтоб княгиню не злобить.

Новая жуткая догадка резанула мне сердце.

– Это княгиня извела мать родами?

– Да. Как воеводу убили, забоялась она, что князь снова к ней потянется. Еще и в тебе родную кровь почуяв.

Я открыла глаза, по щекам князя катились слезы. Он тоже слышал наш мысленный разговор, и ему сейчас впервые открылась вся правда, как есть.

– Как ты мог с ней так поступить?! Где видано князю, до свадьбы ложе с девицей делить? – спросила, роняя слезы прямо в кубок с вином. – Гдей-то видано, чтоб князь, законы вышних нарушал?

– Я любил ее. Очень! – тихо произнес князь.

– Сердцем любить надо, а не удом⁵! А ты, чувствам поддался, дело сделал, а ради нее, даже со вздорной бабой не справился! Хвост поджал и на другого спихнул! Извести позволил!

Князя трясло, он в раз постарел лет на десять. Закрыв лицо руками и простонал:

– Виноват, я-а-а!! Винова-ат! Прости-и-и, дочка-а-а. Прости-и-и. Я девятнадцать лет уже не сплю, с той ночи.

Не трогали меня слезы князя. Если и мучился, то правильно, за дело. Всю мою жизнь изурочили с княгиней вместе! Благодетельством прикрываясь! В глаза улыбаясь.

– А княжна, ведь даже умирая, не покаялась в том, что сделала? Права я? Права? Хотя ты и сам все знал, но от нее признания не получил даже тогда, когда над ней Мара стояла!

– Она меня очень любила, Марта, – тихо произнес князь и с вызовом спросил, – Ты сама бы Михала делить не согласилась, ни с кем. Верно?

– Верно! Только он бы и не спакостил тогда! У Вас ведь с княжной, в брачной клятве единоженство было! Они обе тебя любили, а ты предал их обеих, – от моих слов князь дернулся, словно пощечину наотмашь получил.

Правда – она порой всякого кнута большее.

– Мы можем уехать прямо сейчас? – обратилась я к жени-

---

⁵ Уд, – ругательное именование полового члена мужчины, употребляется в значении – удовлетворяющий свою похоть.

ху. – Не нужно мне его приданное.

– Как скажешь, – жених встал, решительно отодвинул свой стул и хотел подать руку мне, но я привычно уже встала сама и направилась к двери.

– Я только возьму кое-что у себя, – бросила жениху на ходу.

– Конечно.

Мы шли по коридорам. К женской половине и от нас все шарахались и склоняли голову перед магом ниже низкого, боясь даже случайно задержать взгляд на маге дольше секунды, словно он за это голову отрубит.

За нами следовала целая орда его охранников. От кого его охранять тут интересно?

Хотя понятно же, что они тут для подчеркивания статуса своего владыки.

Интересно, за мною тоже будут так ходить, там, у него?

– Подожди здесь, – сказала, не оборачиваясь к магу, быстро вошла и закрыла дверь прямо перед его носом.

Постоит, не переломится!

Быстро принялась скидывать с себя ненавистные одежды с барского плеча, да только расстегнуть все крючки сзади самой, просто нереальная задача. И девушки куда-то запропали, как назло.

Из шкатулки я взяла лишь кольцо Михала. Запахнула его в основание уложенной косы, благо густотой косм, боги не обидели и выглянув за дверь обратилось к жениху, равно-

душно пялившемуся на дверь.

– Платье снять помоги.

И вот тут равнодушные мага сдуло словно Стрибоговыми ветрами. Глаза округлились, лицо вытянулось.

– Что, прости?

– Крючки на платье расстегни, говорю, или не умеешь?

Сказала нарочито громко, чтобы слышала его охрана.

Не один мускул на лицах бравых молодцов не дрогнул, а вот глаза просияли у всех, мой выпад был оценен. Владыка Северных земель снова помрачнел. Наверняка, тоже оценив мою смелость, но по-своему.

– Отчего ж не уметь. Умею, – произнес, как всегда сухо и спокойно.

Ничем то его не проймешь!

Яромир прошел в мою комнатку и, закрыв за собой дверь, окинул ее недовольным взглядом.

– Ты в этой Конуре всю жизнь и провела?

– Это комнатка приближенной кнесенки. Ее палаты за следующей дверью. Кухонные и иные челядники, вообще в общих спят, на лавках.

Я повернулась спиной к жениху и замерла, позволяя ему расстёгивать крючки на платье.

– Ну, даа. Тебя таки выделили, но лишь благодаря, твоему дару, кабы не он, ты б благополучно, еще в раннем младенчестве желтухой померла. А так очень удобно держать при себе природную здравницу и стихийницу.

– Исцелять умею, верно, а вот стихии, не мое.

– Твоё, не знаешь еще просто, – уверенно заявил Яромир. – По чьим прошениям, зная в вашем краю не бывает и дождь под вечер, всякий раз как нужен, тут как тут.

– То валхвицы наши,⁶ Дождевице-матушке, требы подносят. Да и не только волхвицы, все на заутреню к капищу ходим. наши боги к нам милостивы.

Мне казалось, что Маг, нарочно крючки расстёгивает дольше нужного. Опыта то ему явно не занимать. Там и помимо жен почивших, наложниц поди хватает. Или он любит, чтобы раздевались сами?

Спина уже просто заледенела от холодного взгляда мага, а Михал всегда смотрел с теплом, с нежностью, с любовью. Грел меня всегда своими взглядами до жару. А теперь, этот жар, он только в памяти то и останется.

Видать прогневила я чем-то Макошь-матушку, что она Недоле нить судьбы моей отдала.

Знать бы чем, да как исправить.

Молчать наедине с женихом просто не могла.

– Князь не отдал меня вохвице в обучение, чтобы та лишнего про меня не увидала да не проболталась?

– Не только потому, – на удивление, Яромир отвечал с охотой. – Сила в тебе сокрыта могучая, если раскрыть ее не осторожно, неумеючи, много кого погубить несмысла даже

---

⁶ Дождевица – матушка – так древние славяне называли Диву. Жену бога Громовержца Перуна. Ей молились о ниспослание плодородных дождей.

сможешь, а уж если рассердишься, то и саму себя во гневе спалишь, вместе с окружением. Тебе даже имя чужеземное дали, чтобы струн души твоей не трогало.

Произнесенное чужеземцем откровенно пугало, поверить, что все правда, просто не могла сейчас.

– Откуда сила во мне такая? Чьею волей дадена?

– Никем не дадена. Сама накопила. Душа твоя очень древняя.

И тут интересная мысль ворвалась в мою голову, так что и смолчать не смогла:

– Ты знал меня раньше? В иных жизнях.

– Возможно.

Маг закончил расстёгивать крючки и спустил платье с плеч, оно послушно скатилось к ногам, оставив меня перед ним в одной сорочке.

Прикосновение его рук к обнажённой коже моих плеч обожгло меня, но не холодом, а жаром. В крови мага, словно огонь прямо сейчас кипит.

– Повернись ко мне, – тихий, но повелительный тон заставил вздрогнуть, но не повиноваться я не могла.

Выдерживать пронизательный взгляд холодных зеленых глаз было непросто, но я выдержала, не отвела взгляда. В голове была лишь одна мысль:

Хоть бы не требовал, чтобы в глаза его страшные смотрела, когда на ложе свое призывать будет. Заледенею ведь, в сосульку прозрачную превращусь, не смотря даже на жар его

рук.

– Ведарой тебя нарекаю, отныне и вовеки. Да поможет тебе имя сие, да сольется со струнами души твоей, да приумножит силу твою, – произнес жених повелительно. Чувствовалось что в каждое слово, как в доброе, защитное заклятье сил вложено немерено. И сила эта меня обволакивала плотным коконом. В кожу впитывалась, в кровь вливалась и по венам огнем живым заструилась, согревая и питая меня.

Все эти ощущения были настолько необычными и так поразили меня, что я застыла на месте, забыв, как дышать и говорить.

Я ожидала чего угодно, но только не имя наречения сейчас.

Да еще имя та такое выбрал. Ведара. Ведающая Ра.

Ра – одно из имен Творца всевышнего. Отныне, я – хранящая его законы. Что вполне логично, учитывая положение будущего мужа.

Да только боги, там чужие! Темные. И земля мне не родная, холодная. Питать меня не будет.

– Дай левую руку, – попросил спокойно, даже с подобием улыбки на губах.

Я замялась на несколько секунд, под его холодным, испытывающим взглядом, да чего уж там. Смысла откладывать неизбежное не было. Отступить некуда. Протянула Яромиру свою левую руку и на ее безымянном пальце тут же оказалось серебряное кольцо с рунописью брачного заклинания,

что принято в северных землях.

Как только колечко оказалось на моем пальце, я почувствовала, как на плечи мои упала давящая тяжесть, а резко возникшее головокружение, едва с ног не сбило. То ко мне подключался чуждый мне по силе эгрегор. С момента как Яромир надел мне кольцо на палец, я стала мужней женой. Перешла в род мужа.

Пошатнулась и в тоже мгновение оказалась в руках мага. Он прижимал меня к себе очень крепко. Словно боялся, что я вырвусь из его рук и убегу при первой же возможности.

– Потерпи, после обряда слияния станет легче, – прошептал маг еще тише.

А мне, напротив, стало еще хуже только от одного упоминания о предстоящем слиянии с мужем.

Глава 4

Вот так вот просто, без празднеств, без свадеб и церемоний, без клятв и танцев, даже чашу одну на двоих не испили. Просто колечко на пальчик надел и все. Жена уже.

Нет, мне, конечно же, совсем не хочется праздника, и клятва бы застряла в горле. Но все же, это слишком быстро. Он мне даже свыкнуться с мыслью, что он мой жених, не дал. А уже муж. На то и был расчет, скорее всего. И потому мне так плохо сейчас, от резкого подключения к чуждому и очень мощному роду, я еще не успела даже с мыслью смириться, что я стану его частью, а меня уже подключили.

Яромир держит меня в своих руках очень крепко. Мне тесно, неудобно. И боги! Какой же он горячий. Меня лихотит от его жара, я с трудом сдерживаю приступ рвоты. Кажется, что внутри него вместо крови, реально ярый огонь бежит.

– Потерпи. После обряда слияния станет легче. Но не здесь и не сейчас. У нас нет времени, нужно уезжать.

А мне все равно где и когда. Я просто знаю, что легче мне не станет. Когда он возьмет меня как муж, я не смогу принять его, не смогу раствориться в его силе, и она просто сожжет меня заживо на ложе.

Меня ждет ужасная, но надеюсь, быстрая смерть.

Что ж, главное, что претензий к нашему княжеству не будет, и люди смогут жить спокойно.

Яромир склонился ко мне очень низко. Мне показалось, что он хочет меня поцеловать, чтобы вдохнуть еще немного своей силы в меня. Он теперь на это как муж имеет полное право, но силу можно передать и простым наложением рук, а к поцелуям я еще не готова. И потому призналась честно:

– Меня вырвет.

– Настолько противен? – зло усмехнулся супруг.

– Ты весь горишь. Мне жутко жарко.

– Да, горю. Такова моя природа, – Яромир аккуратно поставил меня на ноги, но продолжал поддерживать за руку.

– Ты действительно огненный дракон?

Удивлению моему не было придела.

Слово⁷ Д-РА-КОН значит дарующий божий кон. КОН – Уклад, устав, правила для жизни.

Дракон – Несущий людям божьи правила, волю, следящий за ее исполнением. Именно за этим много-много тысяч лет назад драконы были посланы на землю богами, высшие, мудрейшие существа, следили за порядком, каждый в своей области и хранили недра земли от чрезмерного истощения, но однажды на землю пришли темные боги. Они захотели завладеть богатыми недрами нашей земли и истребили почти всех драконов хранителей. Оставшиеся в живых, по легенде, ушли в иные реальности. Они были вынуждены это сделать,

---

⁷ Древнее значение слова Дракон: Д – сокращение от дающий. Ра – Одно из имен Вышнего Бога Творца. Кон, устав, порядок, правила. Которому следовали все. Сейчас мы живем по Закону. По тому, что За коном.

чтобы сохранить свои рода.

Уже много тысяч лет никто не видел на нашей земле драконов. Никому и в голову не приходило от чего-то, что они как оборотни, за людской личиной прятаться могут.

Я смотрела на мужа, как на чудо-расчудесное. Да он им и был, по сути. И теперь понятно, отчего у него такие не человечески яркие, страшные и завораживающие глаза. Он не человек, по сути своей и глаза его выдают это.

– Огнедар имя моё при рождении. Только тебе говорю его, в знак доверия.

Я слегка поклонилась мужу, оценив степень доверия. Знать настоящее имя дракона – великая честь.

Впрочем, почему мне знать, что именно это настоящее. Муж мой, существо невероятно древнее и имя, скорее всего, менял, сотни тысяч раз за жизнь.

Интересно – сам-то помнит, свое настоящее?

– А почему, ты огненный, а живёшь на Севере?

– Погода там хорошая, помогает сдерживать огонь.

– Ты еще молод и не умеешь сдерживать силу?

– Считай, что так. Идем, нет времени гостить, – маг, явно спешил, а тема его драконьей сути, ему явно была неприятна.

Выйдя из комнатки, мы нос к носу столкнулись с князем.

– С дочерью моей, десятник с дружиной поедет, да две девки в личное служение, – заявил князь твердо, без всякого смущения, словно всем здесь, от моего рождения было из-

вестно, чья я дочь.

За спиной князя стояли насмерть перепуганные Рада с Яриной. Плакали навзрыд, даже не пытаясь сдерживаться, бедняжки.

– Девочек возьмем, а в дружине надобности нет, – отрезал муж.

– Есть! – не уступил князь. – Хотя бы до границ ваших пускай проводят, как положено. Мне для спокойствия.

– Ладно, до границ пусть едут – уступил дракон, явно не желая при своих людях спор устраивать.

– А девки твои мне без надобности, при своей доченьке оставь, у меня там, все великое северное княжество во служение будет.

Сказала надменно, с гордо поднятой головой.

Сказала – словно в лицо князю плюнула, и сама едва не задохнулась от боли, что в его глазах отразилась.

Не смотря на страшную правду, что открылась мне сейчас, я помню и всегда помнить буду, что он всю жизнь ко мне был тёпл и добр. Но никогда не прощу его за то, как он поступил с моей матерью. Поддался пороку и просто сломал ей жизнь и уничтожил! А она, наверняка его всем сердцем любила! Верила ему.

Мы шли очень быстро, практически бежали. А во дворе уже стоял десяток бравого Велимудра, во всем облачение и народ скопился, а мне оставалось только всех богов молить, что б среди них Михала не было. Охранники владыки его

порубят прежде, чем он на шаг к нам приблизится успеет.

Стременной, к самому крыльцу подвел невероятно красивого и мощного, белого жеребца Мага.

Круп и бока, скакуна так мышцами и переливались, грива была очень густой, серебристой, кольцами вилась, что на солнышке, словно серебро сияли. Красавец конь, завораживал не хуже своего хозяина.

Владыка севера очень легко запрыгнул в седло. А я не успела, и ойкнуть, как стремениной легко обхватил меня за талию и передал своему господину.

Дракон легко усадил меня прямо перед собой и вот тут меня ждал настоящий позор!

Я ведь осталась в одной сорочке, а она не предназначена для верховой езды. Слишком узкая. Сразу задралась чуть не выше колен, а проедем еще чуток, так и до бедер поднимется, а там ведь нет ничего, нагая я.

Вспыхнула краской как мак по весне!

Позор то такой! Как блудницу из дома срамного увозят!

А, впрочем, нет ничего, так и не надо мне ведь ничего отсюда.

Как знак сие видать принять положено.

Все в Заполье оставляю, включая самую себя.

Ведара я теперь и никуда не денешься.

Осознав это, гордо выпрямила спину, чтоб и не вздумал князь жалеть меня.

– Но, – тихо сказал дракон, чуть натянув поводья и конь,

послушно двинулся вперед, неспешно, но уверенно.

Я невольно обернулась назад, к крыльцу.

Девчонки челядницы, на крыльце утирали слезы, глядя как меня увозят. Кнесенка глубоко дышала, чтобы не заплакать, скорее всего, от облегчения, что не она сейчас уезжает с владыкой Северных земель. А князь перекрещивал меня⁸ перуницей на дорожку.

Сердце неожиданно кольнула мысль, что благословения то я его не испросила, ни на брак, ни на дорогу. Ну, да и ладно. Обойдусь.

– Марта!! Марта!! Пустите!! – надрывный крик Михала с другой стороны, острой стрелой пронзил мое сердце, но дракон меня сжал так крепко, что я вскрикнула от боли.

– Не смей оборачиваться и отзываться, жена моя! – злобно прошипел маг, заставив меня захлебнуться слезами.

– Мартааа! Стойте! Куда!! Пустите!! Марта!!

Слушая отчаянные крики жениха, я заскулила от отчаянья и дикой, неведанной до селя боли в сердце.

Так надеялась, что он не придет и не увидит, как меня увозят, а теперь дружина владыки его просто порубит как

---

⁸ Перуница – защитный знак. Для ритуала складывают пальцы правой руки: большой, безымянный, тизинец, соединяют их концы кверху, в честь Триглава – Перуна (Свобода), Сварога (Совесть), Свентовита (Свет). А два других пальца соединяли вместе прямо, это олицетворяло бога Рода и Ладу-Богородицу. В таком положении два пальца прикладывали ко лбу, дабы даровано было просветление уму, потом на левый глаз, на правый, дабы глаза всегда и во всем видели истину, и ко рту, чтоб язык хулы не нес, да лишнего не сбалтывал.

капусту по осени.

– Его Марта, сегодня умерла. Навсегда! – я слышала холодный голос мага-дракона у себя в голове. Он буквально вбивал в мое сознание каждое свое слово. – Отныне, ты Ведара! Жена Огнедара. Владыки Северных земель! Госпожа снегов ты теперь!

Глава 5

– Марта!! Марта!! Куда ее увозят?? Стойте! Отпустите меня! Марта! Мартаа!!

Отчаянные крики Михала разрывали сердце и душу на куски. Я задыхалась от боли и отчаяния, надеясь, что оно вот-вот разорвется мое сердце на кусочки.

Дракон крепко прижимал меня к себе изо всех сил, не давая возможности даже хоть как-то пошевелиться, не то, что в последний раз посмотреть на любимого.

А когда услышала звуки ударов и то, что крики Михала мгновенно стихли, пожалела, что сама в сей же миг умереть не могу.

Я не пыталась вырваться, понимала, что бесполезно. Только Михалу хуже и сделаю. Просто со всей ненавистью, что сейчас горела в моем сердце впилась своими пальцами в руки спасителя, стремясь причинить ему как можно больше боли.

Ненавижу!! Как же я тебя ненавижу! Владыка Северных земель! Кто ты такой, чтобы неволить меня!

Да ты сильнее меня! Сильнее князя. Пришел и пользуясь правом сильнейшего, сломал наши жизни. Разрушил и растоптал наш мир, наш лад! Да будь проклята во веки веков, власть твоя! Пусть не удовлетворения, ни счастья тебе не приносит!

Я прекрасно понимала, что дракон чувствует мое настроение, мой ему посыл. Может даже и мысли читает напрямую. Говорят, драконам это под силу. Но мне было все равно. Так же, как и ему.

Я для него, не более чем вещь, предназначение которой выполнить свою функцию и только. И тут меня оглушила невероятно простая мысль:

А кто сказал, что ему нужны именно дети? И что жены его умерли родами вместе с детьми? В Северные земли, никому дороги нет. Никто туда, добровольно не ходил, а попавшие спонтанно открывшимся порталом, не возвращались еще. Да и было таких немного. Так, что никто и ничего знать не может. Все домыслы. Меня он выбрал за активность внутренней силы, а значит она ему и нужна. Проведя со мной ночь, он активизирует ее, в полную мощь, а потом, в последующие ночи, сам же и будет пить, пока не иссякну совсем. Потом просто новую жену искать поедет. А что предыдущая родами почилла, так-то просто отговорка для невест удобная, чтоб еще и пожалели несчастного.

А может он и вовсе жен своих в жертву своим темным богам приносит.

Скоро я это узнаю.

Но мне все равно, что будет со мной. Без любимого, жизнь мне теперь не мила. Смерть избавлением станет.

Одно радовало – жив Михал! Не убили его. Я бы почувствовала это!

Живи, милый! Живи! А я буду согреваться тем, что жизнь твою храню! Ведь без тебя и жертва моя напрасной будет!

Слезы неумолимо катились по щекам. Я понимала, что плакать перед Магом недостойно. Но ничего не могла с собой поделать! Душу разрывало на части от боли! Моим чувствам нужен был хоть какой-то выход. Единственное, что плакала я, молча. Без рыданий и всхлипываний! Этого, маг не дождется точно.

Солнце светило ярко, грело ласково, теплый ветерок спешил нежно высушить мои слезы. И поиграть с волосами. Что отливали медным золотом в сияние светила. Птицы отвлекали ласковыми трелями.

Мой любимый, теплый край ласково и любя, прощался со мной. Я ведь больше никогда не почувствую на себе любящее тепло солнца нашего мира. В мире Мага есть свое, Северное, и очень холодное солнце. А ветра его мира, не ласкают кожу, как наши, там они ее обжигают, и разнообразия красок нет, все голубое, да белое, наверное, от снега. У нас то он на два месяца всего ложиться, чтоб отдохнула матушка-природа. Сил перед цветением весенним набралась. А в северных землях, верно и цвести то нечему.

На прядь волос мне села бабочка, с большими и очень красивыми, голубыми, в синюю крапинку крыльями. Крылья эти отливали серебром и ослепительно блестали под лучами светила.

Красиво!

В последний раз за такой красотой наблюдаю.

Новый, острый приступ горечи выдавил новую порцию слез из глаз. На сей раз, даже не удержалась, всхлипнула невольно.

Не хочу быть пленницей в чужом краю, при чужом, нелюбом муже. Не хочуу!

– Возьми себя в руки, не порть погоду! Иначе, портал открыть не сможем. – услышала я тихий голос мужа. – Не в плен наложницей бесправной беру, хоть и мог. Ты Владычица целого мира теперь! Государыня, госпожа. Все желания твои отныне прежде слов твоих выполнятся, будут. Слово твое, отныне, устав к исполнению.

– Не в раболепстве счастье для меня, – я пренебрежительно передернула плечами. – Чуждо природе моей, командовать над кем-то. Величием упиваться.

– Но ты быстро привыкнешь к нему, поверь мне. Ты к прежнему укладу, и сама скоро вернуться не захочешь. Править – вот твой истинный долг и цель. По праву рождения даже.

– Может и так! Да только без того, застегивая сапоги с утра на кнесенке, я была куда счастливее, чем сейчас, в ранге госпожи целого мира, – горечь от собственных слов сдавила горло так, что пришлось приложить ни мало усилий чтобы сделать следующий вздох.

– Счастье – это настрой души. Ты сама выбираешь испытывать его, или отречься от него и прибывать в своих пустых

и бесполезных теперь, страданиях.

Дракон, конечно, был прав, я бы могла ликовать сейчас и смеется от радости, что именно меня он в супружницы выбрал, что в шелках и мехах мне теперь до конца дней своих ходить, но отчаянные крики Михала никак не шли из головы и слезы так и катились из глаз помимо моей воли.

Не хочу забывать любимого! Не могу! Это все равно, что сердце из груди вырвать.

Как же я жалела сейчас, что берег он меня до первой ночи, как положено. А теперь эта ночь чужому и нелюбимому достанется. Примериться с этой мыслью, мне, пожалуй, было тяжелее всего.

– Стой! – вдруг крикнул дракон.

Мы проехали еще немного, и конь замер как вкопанный.

Подошел стремени и маг передал ему меня.

– Отдых, полчаса, – оповестил дракон и, схватив меня за руку, потащил куда-то в сторону.

Я и не сразу сообразила куда. Только присмотревшись, поняла, что к речке нашей.

– Искупайся.

Я замерла, не понимая, к чему.

– Вода успокоит тебя, – пояснил маг.

Оно и верно. Успокоиться мне нужно.

Подошла ближе к что-то тихо шепчущей речке, сдернула с себя сорочку и откинув ее в сторону, вошла в воду.

Вздрогнула, почувствовав на своей спине обжигающий

взгляд, холодных глаз.

Стеснения не было ни грамма.

Ну и пусть, что смотрит. Мне дела нет. Все одно, сегодня ж ночью все в подробностях рассмотрит, если захочет.

Вода была теплая, мягкая, приятно пахла пряными травами и принимала меня благодатно, словно утроба матери, любимое дитя.

– Речка-матушка, боль мою забери, печали сотри, унеси, судьбу мне принять помоги. Уйду с ним, как жертву прими, и край мой от бед сбереги, – тихо шептала я, вкладывая в каждое слово, всю свою боль и надежду.

Заволновалась Речка Тарушка, услышала мои слова берегиня земель наших. Приняла жертву мою. А взамен, я тут же прилив сил почувствовала. Со мной мои боги! Со мной хранители мои небесные. Не оставили, не отреклись. Даже когда в чуждый род перешла. Питают меня наперед, пока на земле я их. Под властью их. Это придало сил, и я начала омыwać себя.

А потом не удержалась и нырнула под воду. И пусть, что волосы намокнут, зато тяжесть из головы уйдет. А еще, хотелось пощекотать дракону нервы. Дыхание я могу задерживать долго, пусть решит, что утопла я. Позлиться, может и спасти прямо в одежде кинется, намокнет.

– Идем с нами Мартушка! – передо мной вдруг появилось два острых личика зелёноволосых русалок. – Хорошо у нас, беззаботно, весело.

– Ведара, имя мое отныне и путь у меня, иной, – ответила им мысленно.

– Жаль, – пропели русалки и тут же защebetали. – Ах, какой мужчина, Какой мужчина! Сколько в нем силы! Он древний! Как бог в плоти! Отдайся ему! Отдайся! Не пожалеешь!

Хвостатые распутницы, недолюбив при жизни, человеческой и после смерти, как правило, думали лишь об одном.

Не успела я и головой покачать, как меня ухватили за волосы и резко рванули наверх.

– Чегой-то ты удумала, супружница моя? – прошептали мне горячие губы прямо в ухо.

Дракон плотно прижимал меня к себе, одной рукой держа меня за волосы, другой, под грудь. Но вопреки моим ожиданиям, он был совершенно обнажен.

Моя плоть касалась его плоти и нас ничего не разделяло.

Глава 6

– Ты сам искупаться велел! – сказала, как можно тверже, стараясь не дрожать от волнения.

– Искупаться, а не нырять! – Огнедар сильнее сжал мои волосы, заставляя запрокинуть голову и прижаться к нему плотнее всем телом.

Меня снова бросило в жар, на сей раз не только от жара его тела, но еще и от того, что я почувствовала, как от моей близости его уд наливается. И замерла, боясь даже шелохнуться, понимая, что любое мое действие сейчас, он воспримет, как сопротивление и захочет показать свою силу. А закончится это плачевно. Вон как прерывисто дышит уже.

Лучше попытаться его отвлечь.

– Испугался? – спросила с наигранным смехом.

– Считай, что так!

От горячего шёпота Огнедара в самое ухо, по моему позвоночнику пробежал волнующий холод. И фаллос мужа резко уперся мне в бедра, заставив испуганно охнуть.

Он почувствовал моё волнение и недвусмысленно отозвался.

– Чем же я, тебе так дорога за час знакомства стала? – проговорила продышавшись.

К счастью, дракон видимо тоже решил, что не время сейчас для супружеских игр и чуть отстранившись, начал, судя

по звукам, плескать на себя водой.

Чтобы остыть от нахлынувшего желания! – эта мысль заставила меня покраснеть до кончиков волос.

– Очень сложно найти женщину способную вынести силу дракона.

– Среди вашей расы разве нет женщин?

– Есть, но моей уже нет.

– Возьми другую.

– Невозможно. Мы рождаемся парами, а если вдруг пара умирает, а род продолжить еще нужно, мы вынуждены искать подходящих партнерш в других мирах.

Так вот, что выжгло твою душу дракон! Ушла, твоя пара, твоя любовь, твоя судьба. Ушла и забрала с собою твою душу. Больше ты никого не сможешь полюбить. Больше ни что тебя в жизни не порадует. Что ж, ни ты один такой теперь!

Тебе может, даже и в наслаждение было оторвать меня от любимого. А то почему это ты один тут страдать должен.

Что ж! Как ты наверняка ненавидишь того, по чьей вине погибла твоя любимая, так я теперь буду так же ненавидеть тебя, дракон!

В этом, мы будем с тобой похожи.

Вот только детей с чувством ненависти зачинать нельзя. Это преступление перед богами.

От моих мыслей меня отвлек оглушительный грозовой раскат и яркая белая вспышка перед глазами. И тут же, я вздрогнула от грозного голоса дракона:

– Я же велел тебе успокоиться!

– Я спокойна! Просто гроза набежала! Причем тут я, – я искренне не понимала, в чем меня обвиняют.

– Одеваться! Быстро!

Дракон схватил меня за руку и потащил к берегу. Там уже лежали теплые полотенца и утепленные, плотные плащи из гладкой темно-серой кожи, неведомого мне животного.

– Скакать будем очень быстро и долго. Оправься, если нужно.

Спорить не стала и отошла подальше для своих нужд, а возвращалась, нарочно, неспешно.

– Мы от кого-то убегаем?

– Нет. Просто торопимся. В моем мире идет война. Я не могу его надолго оставлять.

– Война? С кем?

– С безтелесными. Они похожи на туман, но могут принимать любую, удобную форму для нападения.

– Откуда они пришли?

– Миры Творца бесконечны. Незнаем.

– Почему приходят? Зачем? Чему учат вас?

– Северные недра, очень богаты, камнями и жидким золотом.

Еще один камень отяжелил мою душу. То, что я узнала сейчас, не добавляла радостных ожиданий от чуждого мира. Со своим, спокойным, теплым, ярким и родным, прощаться очень не хотелось.

– Ты будешь в полной безопасности, я позабочусь об этом. Не тревожься, – поспешил успокоить супруг, заметив, что помрачнела еще больше. – Поторопись.

Перекрестившись и отвесив родной земле прощальный поклон, подошла к мужу. Он сам накинул на меня длинный плащ с башлыком и принялся его застегивать и завязывать, а перед тем, как надеть башлык, положил на мою мокрую голову руки, я ощутила, как они становятся горячими и сушат мои волосы. Чудеса, да и только.

Плащ, изнутри был очень мягким и не по нашей погоде теплый, но я сама предчувствовала по неприятному томлению в теле, что погода сейчас, резко измениться в худшую сторону и плащ, окажется самой нужной и уютной вещью.

– А если тебя убьют, что со мной тогда будет?

– О тебе позаботится мой брат. Все как у вас.

– Сколько у тебя братьев?

– Двое еще. Я старший. Трогаем! А вы, возвращайтесь, пока буря не разыгралась, – обратился маг к десятнику.

– Велено проводить вас до границ земель, а они еще не скоро, – беспристрастно ответил Велимудр.

– Как знаете, но на границе, может быть опасно, а мы будем сейчас гнать. Ваши кони, за нашими, вряд ли поспеют.

– Поспеют, не тревожься, – заверил Велимудр, отходя в зад каравана.

Стременной снова подал меня дракону, и мы помчали вперед.

Северные кони, действительно, оказались невероятно быстрыми, ярко-зеленые пейзажи стремительно проносились перед глазами. Ветер словно плетью бил по глазам, так, что я предпочитала держать их закрытыми, но вскоре, на лицо скатились тяжелые и очень холодные капли дождя и небеса громыхнули так, словно надвое раскалывались.

Не рад Громовержец чужеземцу на земле своей. Прочь поскорее гонит, ливнем неласковым. А вместе с ним и меня. Ведь я, теперь мужняя жена, чужачка здесь.

Еще пара мгновений и ливень обрушился стеной, загудел, перекрывая даже галоп, сорока коней.

Шумел ливень Перунов на славу, подгонял бог хранитель чужеземцев грозвыми раскатами и слепящими стрелами своей ярости, что то и дело срывались с небес, а мне казалось, что, то душа моя плачет и гневается на дракона, что принудил меня ему принадлежать.

Вдохнув, я слилась с непогодой воедино, стихия питала меня. Стала моей сутью. Наполнила меня силой, я упивалась ею.

Зашумел, загудел и усилился ветер. Направляя капли дождя на всадников, ослепляя их глаза, но меня капли не касались. Пролетали мимо. Хранили меня мои боги.

– Прекрати сейчас же! – рявкнул дракон. – Нам сейчас в горы подниматься!

Но, я и понятия не имела, как унять стихию. Если я ее и спровоцировала, то точно не сознательно.

– Ты подношение богам нашим делал, как на земли наши вступил?

– Делал! Без воли богов ваших, я б и портал сюда не открыл!

– Думай тогда, чем прогневить их смог, что гонят тебя так с земли своей!

И тут наш конь споткнулся, испуганно заржал и начал падать на левый бок.

Но маг успел обхватить меня за талию и прыгнуть с коня вместе со мной, еще до того, как конь рухнул на землю.

Огнедар в один миг отскочил вместе со мной в сторону и только тут я реально поняла, что не с человеком дело имею.

Даже Велимудр, как бы подготовлен не был, а так бы сделать не успел!

Сердце мое бешено билось от испуга, а дракон даже через свой плащ стал невыносимо горячим. Он словно кипел от ярости.

– Да, что ж такое то, а! Немедленно прекрати все свои штучки, ведьма! Иначе, клянусь всей своей силой, пожалеешь!

Мужчина с силой встряхнул меня и сжал до боли, так, что кости захрустели. В его глазах полыхала неприкрытая ярость. Кажется, еще секунда и испепелит меня на месте, или одним легким движением, свернет мне шею.

Я похолодела от страха, приготовившись к последнему вздоху.

– Ты девушку с земли родной, невенчанной увозишь и удивляешься, чего на тебя наши боги гневаются! – услышала позади себя спокойный голос Велимудра. – Капище давеча стремглав промчал, даже поклона богам за невесту не отдал. Еще и недовольным гневом наших богов, быть смеешь?

Гнев в голосе Велимудра нарастал неуёмной волной.

– Верно, говоришь! Дело говоришь! – зашумели мужики его десятка, – Не почитает чужеземец богов наших! Не то, что жертвы, поклона не принес! А девке, так и собратья не дал! Почитай, голую, в одной сорочке и упер! Словно⁹ тать лихой! Гдей-то видано, свататься так!

Дружина шумела все громче, и охрана мага начала брать их в кольцо, положив правые руки на эфесы своих мечей.

Пространство меж нами раскалилось, несмотря на холодный дождь, что шел стеной.

Сердце моё, от ужаса биться почти перестало.

Сейчас всем уже было ясно – Кровь неминуема.

---

⁹ Тать – Вор, похититель.

Глава 7

Мне стало жутко стыдно, ведь в одной сорочке, я убежала из дома князя, по своей воле. Но меня понять можно. Я была на эмоциях. Мне не до чего было, а вот почему это позволил сам дракон – вопрос большой. Неужто действительно так торопиться?

– Вы правы! – твердо заявил маг. – Я действительно был непозволительно непочтителен к вашим богам. Я искуплю это.

Маг развернулся, подошел к своему лежащему, на боку и тревожно ржущему коню, вытащил из-за пояса, огромный нож и замахнулся им над горлом животного.

– Да примут боги ваши жертву мою!

– Стой! – я еле успела схватить дракона за запястье руки, в которой он сжимал нож. – Ты разве не знаешь заповеди богов наших? Не один из них не принимает жертв кровавых! Убиение живого существа во славу их, жизнь хранящих и дарующих это оскорбление им неслыханное!

Дракон посмотрел на меня, не скрывая ярости, затем выдохнул и с сожалением произнес:

– Все одно, животину приколоть нужно. Ногу он сломал.

– Я обезболить его могу и зафиксировать.

– Не разумно силы свои на животину сейчас тратить.

Быстро идти он все равно не сможет.

Рука с ножом, все же стремительно вонзилась в горло князя, и я вздрогнула от громкого, исполненного ужаса и боли, короткого вскрика, несчастного животного.

– Да что ж это такое-то! Да разве ж можно так! Богов наших, кровью подбивать вздумал! – снова зароптали наши мужики. – Нечестивец! Богохульник! Да разве можно ему девушку нашу отдавать!

– То, воля князя нашего! – прикрикнул на своих Великий мудр. – Не нам с вами, его решение обсуждать!

– А в себе ли князь то был?! – не унимались разгневанные мужики. – Или заморочил его чужеземец?!

– Верно! Заморочил! – поддержали другие.

Я слушала вновь поднявшееся негодование мужиков и холодела от ужаса. Тут уж бунт против самого князя назревал!

С этим нужно что-то делать. Бунта ни князю, ни земле своей я не желала, а потому, решительно вышла вперед.

– Ни один волос не упадет с голов наших, без воли богов наших. Стало быть, и я по их воле с чужеземцем уйду! Ваше ли дело с божьей волею спорить? – заговорила как можно громче и решительнее, стараясь вложить силу в каждое свое слово. – Я не спорю, а вас и паче, то не касается теперь! Северный князь, князю Заполя дал большой выкуп за меня, как полагается. Передайте князю, пусть на золото то, храм в честь Макоши поставит, да терем ведуньи Милодары обновит! Да пристрой для хворых сделает. То воля моя последняя ему. Пусть исполнит все, как велю, если хоть что-то я значу

для него. Возвращайтесь немедленно и слово в слово, волю мою последнюю, ему передайте.

– Передадим, Мартушка, слово в слово. Не тревожься, – Велимудр, слегка мне поклонился.

– Ведара, имя мое теперь. Возвращайтесь.

Велимудр бросил на меня последний долгий взгляд, полный уважения, он понимал мою жертву и гордился силой моего духа.

А я лишь грустно улыбнулась. Было время, я горестно издыхала, по могучему голубоглазому красавцу, который был меня сильно старше и женат. Но однажды к ним приехал жить брат его жены, Михал. Вот он сразу же обратил на меня внимание. Каждое утро на подоконнике меня то яблочко ждало, то соты медовые, то пирожок с капустой. Говорил, что сам пек и не врал. Действительно помогал сестре, если время было у кузнеца умелого.

Эх! Как же мы мечтали с ним и счастье наше вместе выковать! Да вот, не ссудили боги!

Велимудр развернул коня и его десяток последовал за ним.

– Молодец! Умеешь заставить себя слушать. Говорить с народом повелительно. Истинная госпожа, – похвалил муж с улыбкой.

Я чуть на месте от возмущения не подпрыгнула.

– Так это, что, проверка мне была? Ты нарочно их провоцировал? А если бы я не нашла, что сказать, или они бы ме-

ня не послушали?

– Бы, значения не имеет. Ты показала свою силу. Молодец.

А теперь, я реально подпрыгнула на месте, повернувшись и увидев, что конь мага, стоит, живехонек и здоровехонек, в нетерпение к бегу ногами перебирает.

– Это как это? – потрясенно выдохнула я.

– Считай, что чудо! – маг снова улыбнулся. – Трогаем.

Снова продолжился безумный галоп, длившийся очень долго. У меня жутко устала спина и под проливным дождем я начала замерзать несмотря даже на хороший плащ.

– Прижмись ко мне. Согреешься. Скакать долго еще, – услышала, я голос мага-дракона, в своей голове.

Прижаться? Ну, уж нет! Все это время несмотря на то, что я сидела прямо перед мужчиной, я старалась держаться от него как можно дальше. И сейчас особо встрепенулась, и отодвинулась.

Маг лишь хмыкнул, усмехаясь.

А я снова решила перевести его мысли в другое русло.

– Мы скачем к драконьей горе? Там места силы для открытия прохода в твой мир?

– Верно.

– Но до него еще очень далеко и тучи расходиться не собираются. Не успеем засветло.

– И мы, и наши кони, в темноте видим лучше, чем днем.

– Твоя свита тоже состоит из драконов?

– Нет, просто в северных землях практически всегда полутьма, а это обостряет зрение у всех от рождения.

Ну, вот! Я-то себе представляла, что там солнце хоть и холодное, но белый снег ослепительно искриться в его лучах с утра и до вечера, как бывает в наших краях зимой, а там и такого нет. Одна серость, унылость, да бури, ночи напролет.

Одна печаль печальная!

Снова неудержимо зажгло глаза, но я больше не буду плакать! Довольно сырости! Она ничего не исправит в моем положении.

Мы действительно скакали еще очень долго. И скоро мое внимание, все перешло на жуткую ломоту в пояснице. В конце концов, я сдалась и таки навалилась на Огнедара. Он был очень теплым, почти горячим и от того я совсем скоро, согрелась, расслабилась, и меня потянуло в сон.

Я уже начала было задремывать под размеренное дыхание мужа и ровный бег коня, как вдруг подскочила от невероятного грохота и ослепительной фиолетовой вспышки.

Неужели небеса – таки рухнули на землю?

– Охранять госпожу! Увести в ущелье и ждать меня! – орал маг, сдергивая меня с коня и передавая своим воинам.

Те окружили меня плотным кольцом, обнажили свои мечи. Один взял меня за руку, и мы куда-то побежали. Из-за спин воинов, я не видела куда.

– Что происходит?

– Спонтанный Прорыв портала, госпожа.

– Из вашего мира?

– Боюсь, что из вражеского и вашему, и нашему.

Я выругалась сквозь зубы начиная понимать ситуацию.

– Это ваш приход послужил истончению грани меж мирами?

– Возможно госпожа.

Ледящий душу, звериный рев сотряс округу, и мне показалось, что над нами промчалась огромная крылатая тень.

– Не поднимай головы госпожа, – предупредил мое желание страж. – Смотрите только вперед.

Я усмехнулась – Бояться, что я от истинного облика мужа, чувств лишусь?

Мы быстро поднимались вверх по крутому склону, я чувствовала, как камни с дороги срываются вниз, и сама чуть пару раз на них не поскользнулась, проклиная каблуки княжеских сапожек. Но воины, в буквальном смысле, поддерживали меня своими телами и вскоре мы оказались на ровной поверхности в пещере.

Одному из охранников стоило только пальцами шелкнуть и в пещере сами по себе загорелись четыре кострища, что стояли вокруг гранитного алтаря, что был посреди пещеры.

Стены и своды пещеры были невероятно гладкими и холодными. А еще буквально светились и гудели от силы что их переполняла. И сила эта шла двумя мощными потоками. Изпод Земли-матушки и сверху от одной из звезд хранительниц. Место древнее и очень мощное, силой здесь от каждо-

го камушка несло так, что сбежать, хотелось, ибо раздавить грозила мощь неумемная.

Наши, в эту сторону даже не ходили, до поры до времени, только старцы, да жрецы, что каких-то своих тайных смыслов бытия искали, забредать сюда отваживались, а вернувшись об увиденном и постигнутом, нечего и не кому не сказывали, но сила их возрастала в разы.

А я чувствовала себя здесь чужой, не заслужила еще бывать в таком месте силы, не принимает меня оно, давит со всех сторон, прочь гонит.

Голова закружилась, и я навалилась на прохладную стену, чтобы не рухнуть на пол, а перед глазами возник чёткий образ огромного, черного дракона, тяжело машущего крыльями.

А тяжело ему от того, что на крыльях его сеть серебряная, которая острыми шипами впивается в его плоть, причиняет жуткую боль и пьет силы.

А кто накинул сеть не вижу, только чувствую от него недоброе! Враг ему дракон. Мешает дальше в наш мир пройти, землями завладеть нашими.

– Боже, Перуне, помоги! Образ недруга яви! – закричала в отчаянье.

И тут же сеть на драконе становится огромным, красным змеем, что обвивает его плотными кольцами, беспощадно ломая крылья и ребра.

Из горла дракона вырывается отчаянный, исполненный

боли и ненависти рев.

Мне всем сердцем, всей душой, всем своим естеством и каждой своей клеточкой хочется помочь дракону защитить мою родную землю.

Тело мое переполняется его болью, Кости мои сдавливаются, так же, как и его кости. В глазах чернеет. Душа стремительной орлицей вырывается из тела, сливается с яростью, бога защитника, мира нашего, сливается с одной из его разящих молний и бьет змея всей своей яростью прямо в голову. Проходит по каждой его клеточке, разрушая каждую до основания, испепеляя в прах, но вместе с прахом рассыпается и сама безвозвратно. Отдав все силы до последней искорки.

Глава 8

Огнедар

Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять, что это она. В ее глазах пылал огонь сродни моему.

Кнесенку, я смотрел только для того, чтобы понять какие отношения их связывают. Достаточно ли покладистый у девушки характер. Но то, что я увидел, повергло в шок.

Из девчонки пили силы, как из неиссякаемого сосуда из сказки, пили с рождения, ежедневно. И просто удивительно, почему ее поток не уменьшился и не иссох со временем. У нее должно быть, очень мощный покровитель наверху. Как ни старался, так и не смог увидеть кто. Зато увидел кое-что другое. Она от рождения облачена у них в самое простое платье челядницы, всем кланяется и прислуживает, а меж тем, является родной дочерью князя, и он прекрасно об этом знает, в отличии от нее.

А девчонка, вполне всем довольна и даже искренне считает себя обласканной судьбой. Она сыта, в тепле, с ней считается иная челядь, она обласкана хозяевами, но главное у нее есть любовь, светлая, чистая, искренняя и взаимная. Она заполняет всю душу девочки, бедняжка, едва не летает, от

распирающего ее счастья.

И мне искренне жаль было ломать ее мир, судьбу и любовь, но у меня просто не было иного выхода.

Ее дом, последний на моем пути, и я не встретил ни одну, даже маломальский подходящую мне по силе. Огненных мужей выдерживать тяжелее всех прочих, мало кому под силу.

Впрочем, если б девчонка уже отдалась жениху, мне бы пришлось отказаться и от нее. Потому что энергетически, женщина всегда продолжает род своего первого мужчины.

Так устроена вселенная, она думает, что, если эта женщина отдалась именно этому мужчине, значит, она сочла его самым достойным среди сотен прочих, для продолжения рода, и ее выбор нужно уважать. И происходит энергетическая привязка к эгрегору рода именно этого мужчины и в этом воплощение, это уже не разорвать.

Воплощать души чужого рода, я не собирался и просто подождал бы еще сто лет, и снова принялся за поиски невесты в этом мире. Но, мне к счастью, а ей к печали, не пришлось.

Он не брал ее. Берег до брачной ночи, прекрасна зная, что именно дети, зачатые в первую брачную ночь, самые сильные, мудрые, красивые. Именно в эту ночь, мать вместе с кровью, способна отдать больше всего энергии дитю. Но как женщину он ее уже пробудил давно. По глазам видно, что знает уже, что такое услада для женщины, уже горела в этом сладком огне и не раз. Поначалу разозлился на это жутко,

но потом понял, что это мне же на руку. Меньше бояться и смущаться будет.

О своем происхождении девочка не знала, но подошла ко мне с достоинством истинной княгини. Голос рода ничем не перебьешь, не заткнешь, не заглушишь.

Смотрела на меня без опаски, просто не веря, что я ее выберу. Но с большим интересом. Хотела понять, отчего я так жизни не рад. Ей очень хотелось применить свою силу, чтобы посмотреть на мой скрытый свет, но побоялась меня прогневить.

Я открыл ей правду про то, что ее пьют, и от меня не укрылось, как ей стало больно, хотя и старалась вида не подать. А когда сказал, что едет со мной, девчонка просто не поверила. Как же! Ведь у нее уже есть любимый!

Мне жаль девочка, искренне жаль твою любовь, но мой долг важнее.

Она замерла оглушенная новостью, князь практически без чувств выволок ее из приемной, но я знал, что она ни будет умолять, ни его о спасение, ни меня, ни попытается бежать даже. Примет все, как волю богов своих, в почтение к коим с колыбели воспитана. Боялся только, что на прощание захочет с любимым увидеться, а вот от него, в такой ситуации можно ожидать всякого. Поэтому послал за ней. Пусть лучше рядом будет, не хотелось, осложнять.

Она смотрела на меня полными боли глазами, но в то же время, в них было смирение и готовность терпеть, меня во

имя благополучия своего народа.

Хорошая девочка! Истинная княгиня, по роду. Еще, не смотря на готовность меня терпеть, прогнуться под меня и называть своим господином, она намерена не была, что выдавало в ней самой истинную госпожу.

Девушка имела право знать правду, и я ей ее открыл. Она узнала, о порочности, слабости и малохольности ее князя-отца, о подлости княгини, которую она искренне матушкой называла, с дочерними чувствами. О том, что дар ее намеренно занижали, чтобы сама правду не узнала.

Девушка пришла в ярость и попросила уехать прямо сейчас, без положенного приданного. Что ж, мне оно тоже без надобности.

Но когда позвала в комнату и попросила помочь раздеться, я нимало удивился, неужто уж настолько с участью своей смирилась?

Похоже на то, лопочет и лопочет что-то от страха, а в моей крови от ее близости, совершенно неожиданно заиграл вдруг первородный огонь.

О боги! Как же давно я не испытывал эту пьянящую и окрыляющую бурю в крови. Я ей наслаждался сейчас, каждой своей клеточкой и в тоже время, уже невыносимо хотел ее усмирить, слившись с силой своей избранницы.

Она спросила меня, не знал ли я ее в прошлой жизни, не знаю, может быть и знал, видно, что очень древняя и сильная душа у нее, но чья первородная, не вижу. Может даже кто-

то из богинь зашел поиграться, чувствами людскими потешиться. Любят они иногда от скуки такое.

Что ж, за семь столетий одиночества, и я соскучиться успел.

Нарек ее Ведарой. Так, как мать ее хотела, имя знающая, или познавшая Бога в себе. Имя с авансом, но оно определено поможет ей в развитие. И чего тянуть, одел родовое кольцо. Я должен взять ее этой же ночью. Иначе, не смогу сдержать свой огонь и быть беде.

Подключение к моему роду, сбило девушку с ног, но поцеловать себя, она не позволила, ей стало плохо от моего жара, и она сама догадалась, что я хранитель огня. И я назвал ей свое истинное имя, не сомневаясь, что она оценит по достоинству, мое ей доверие.

А дальше, началось самое интересное: вывел ее сначала из комнаты, а потом и из терема во двор, полный люда, в одной сорочке, но она, прибывая в своих эмоциях, этого даже и не заметила по началу, с одной стороны, это очень плохо, что, уходя в свои переживания она забывает обо всем на свете, но ничего. Следить за собой, челядь приучит быстро. С другой стороны, поняв, что опростоволосилась, быстро взяла себя в руки, не устроила истерику и повела себя так, словно так все и должно быть. Огромный плюс за самообладание. Для государыни, сие бесценное качество. И опять же, когда услышала, как ее зовет жених, истерику сдержала. Из последних сил, мысленно кляня меня на чем свет стоит и расцарапывая

мне руки в кровь, но сдержала. Больше, конечно, боясь за его жизнь.

Душа Веды сгорала в огне отчаяния и ненависти ко мне. Ей было так больно, что у меня самого сердце сжималось, так, что не вздохнуть.

Мне было жаль и ее и парня, но уступить я не мог.

Злись девочка, плачь. Со временем, ты все это будешь вспоминать с доброй улыбкой.

А еще, ей очень не хотелось прощаться со своим теплым, ярким в красках краем. И тут я ее понимал. Северные земли, ни теплом, ни разнообразием оттенков, похвастаться не могут. Но ничего. Присуще и им свое разнообразие. Привыкнет.

Выбора у нее все равно нет.

Глава 9

Ее отчаянье и ненависть росли очень стремительно, как лавина, сорвавшаяся с гор, и уже прорывались наружу, напрягая атмосферу вокруг себя. Так и до бури не далеко, а нам еще в горы подниматься.

Когда скакали мимо реки, я остановился. Пусть охладится.

Поначалу, когда взял ее за руку и потащил к воде, молодая супруга напряглась. Но потом, видимо решив, что смысла оттягивать неизбежное нет, смело скинула с себя сорочку, отбросила словно негодную тряпку в сторону, и неспешно, и гордо вошла в воду, явно настроившись пакость.

Ну, это мы еще посмотрим, кто кого и как смутит.

Поначалу, просто наблюдал за ней. Ведара, через речку обращалась к их верховной богине, берегине этих мест, в честь которой и названа была река.

Девушка просила унять ее боль, помочь поскорее смириться со своей новой судьбой, принять ее замужество как жертву, и убереечь ее край от напастей и была услышана. Я видел, как ее окутала серебристо-золотистая энергия, исходящая от воды, а в голову, сверху вошел мощный, золотистый поток энергии.

Мои опасения подтвердились, девушка действительно находится под прямой защитой своих богов, и они ее прекрас-

но слышат напрямую.

Всмотрелся в ауру внимательнее, но ничего кроме уже увиденного прошлого не увидел. Хорошо ее хранят, очень хорошо. Я бы сказал, даже прячут.

Дочь? Любовница? Волхвица? Или просто друг? Что вряд ли.

Странно, что не помню ее из прошлых воплощений.

При случае всмотрюсь в них повнимательнее, поищу общие ниточки. Не могли мы встретиться так просто. Снова что-то из прошлого накрывает, что-то отработать нужно.

Ведара нырнула, намереваясь изобразить, что утопла, чтобы напугать меня.

Что ж посмотрим, кто кого.

Быстро полностью разделся и нырнул следом.

Поднял ее за волосы наверх, распугав местных русалок, прижал к себе и, почувствовав, как она дрожит от моей близости, не удержался от возбуждения сам.

Какая же она нежная, горячая, манящая. Запах ее кожи дурманил, словно самое изысканное вино южных земель. Как же давно меня не волновало женское тело. Я воистину забыл, как могут быть чудесны простые, плотские радости.

Я держал ее рукой под грудь, не смещая руки, но все боги свидетели, как безумно мне хотелось приласкать ее. Погладить пальцами уже напряженные, розовые сосочки, ощутить, как они напрягаются, еще больше, заставить Веду выгнуться и застонать от желания большего.

Я не смог удержать реакции своего тела и в итоге напугал девчонку.

Она болтала без умолку, пытаясь меня отвлечь.

Ну, что ж, тоже не плохо. Хоть поговорили. Главное, я проверил – от моей близости, Ведара не перешла ни в агрессию, ни в панику, и в ступор тоже не впала, значит, действительно все не безнадежно.

Поговорили хоть, но я допустил ошибку – рассказал ей о войне, в наших землях, что лишь усугубило ее упадоческий настрой, и буря таки разыгралась. Что ж, решил воспользоваться ею для еще одной проверки:

Наш конь подвернул ногу, я успел сдернуть девчонку до падения и начал кричать, обвиняя ее в случившемся и непогоде. И вот тут, Ведара таки впала в ступор от страха. Боялась, что я убью ее во гневе. Но я уверен, что она нашла бы что сказать, если бы десятник Велимудр, которого с нами князь отправил, не вступился за нее. Мол, сам я виноват, к богам их не почителен, жертвы не несусь, поклоны не отдаю и девку полуголой из дома, словно вор упер.

Десятника поддержал его люд. Назревала стычка, в которой, десяток, разумеется, полег бы быстрее, чем спешился. И вот тут Моя госпожа себя проявила, как ей и следует в данном положении: вышла вперед с гордо поднятой головой и требовательным тоном заявила, что, то, что она со мной идет, то воля богов и если уж она с ней не спорит, то и им, тем паче не стоит. А на деньги, что я князю за невесту дал,

велела храм Макоши построить, да терем здравницы починить.

И такая сила шла от каждого ее слова и прямой осанки, что не послушаться Ведару сейчас, было просто невозможно. Истинная повелительница.

К тому же, не смотря на страх передо мной, не позволила мне принести своим богам кровавую жертву, что для них действительно, оскорбление, неслыханное. Поскольку все они, являются хранителями жизней, а поднести в дар им смерть, все равно, что в лицо плюнуть.

Не позволила Ведара страху окончательно собой завладеть, не забыла о самом главном! Умница!

Еще раз уверился что сделал правильный выбор и на сердце повеселело. Может она и справится. Может она и выдержит. По крайней мере, ни одна из прежних человеческих жен не обладала такой мощной, внутренней силой.

Десятник повернул обратно, а мы поскакали дальше.

Жена моя очень устала и замерзла, но, когда я предложил откинуться на меня, на показ отодвинулась и выпрямилась. Правда хватило ее гордости и упрямства ненадолго. Совсем скоро, сломалась. Откинулась мне на грудь и задремала, согревшись от моего внутреннего огня, кипящего в моей крови от ее близости.

А мы гнали изо всех сил гнали к порталу.

Ибо, я чувствовал недоброе, не на меня боги сего мира гневаются, они сами мне сюда дорогу и указали. Без их воли,

я бы сюда и не попал.

Нет! Недоброе случилось в моем мире!

Неужели братья пали без меня, и все мои поиски оказались напрасными?

От этой мысли кровь в жилах начала стремительно остывать.

Сосредоточившись, постарался почувствовать братьев.

Наверху шёл бой, по защите грани миров.

Безтелесные пытались прорваться и сюда. Возможно, они следили за мной. И теперь заинтересованы в смерти Веды, чтобы не было у мира моего наследников.

Я гнал коня изо всех сил, бедная животина и так была на меня обижена, за спектакль со сломанной ногой и убиением. Но Леон мой старый друг. Моя родная душа, все понимает и прощает. Он спешил, как мог, но не успел.

Небеса раскололись, портал открылся. Хранители этого мира, либо проиграли, либо для чего-то уступили, либо просто, половина из них проспала и не пришла на помощь к тем, кто сражался. Да бывает и такое!

Я зарычал с досады!

Ну почему в этом мире теперь нельзя взять и перекинуться в свою истинную суть, когда захочешь? Нет же! Нужно ждать зова крови, что говорит о крайней опасности, как сейчас.

Я видел, как с небес на землю льется густой синеватый туман, невидимый обычному глазу, но в том и была его опас-

ность. На то они и безтелесные. Сливаясь в плотную субстанцию, они могут принять какую угодно плотную форму, они завоевывают мир за миром для своих хозяев, которые сами пачкаться не желают, потом просто приходят на подготовленные для них земли и пользуются их дарами, устанавливая свои порядки, безтеесные, у них навроде очень верных и умных собак, кормятся они вибрациями страха и боли, что исходят ото всех существ во время войны, так, что напрямую заинтересованы служить своим хозяевам.

Допустить, чтобы они вторглись в эту мерность, я не мог.

У меня есть одно большое преимущество перед ними; драконий огонь уничтожает все, что пришло не с благом. Все в чем есть хоть малейшие отклонения от пути развития и роста вверх, к Творцу.

Но за те секунды, пока я передавал жену охране и переходил к истинному облику, безтелесные исчезли.

Яростные Молнии сверкали одна за другой. Верховный защитник яви, своим беспощадным огнем, безжалостно испепелял врагов, замысливших недоброе на его земле.

Я же кинулся к зияющему в небе прорыву, надеясь залатать его своей силой, пока через него не пошли новые орды безтелесных.

Я прекрасно понимал, что на это могут уйти все мои силы, коих не так и много, в неродном мне мире, но дать распространиться этим мразям еще и в этом мире, я просто не имел права!

Но на подлёте, к фиолетовому пробою в небе, на меня упала тугая сеть с острейшими шипами, что вонзались в мою плоть все глубже с каждым моим движением. Причиняя просто невыносимую боль. Я чувствовал себя настоящими решетом и старался не двигаться, ведь с каждой каплей моей крови уходила и моя сила, а шипы проникали все глубже. Я дышал силой на брешь в небе, не смотря на боль. Ее нужно затянуть во что бы то, ни стало.

Я надеялся на помощь Громовержца. Вот сейчас он заметит, мое положение. И сила его гнева, облеченная в мощные и стремительные грозовые стрелы, сметет с меня эту нечисть.

Но вдруг, что-то с этой силой произошло.

Шипы, пронзающие мою плоть, исчезли, и что-то стало сдавливать меня с невероятной силой. Да так, что кости мои трескали, а крылья ломались, легко, словно соломенный флаг на открытом ветру.

Я чувствовал себя какой-то ничтожной мошкой, а не повелителем всех драконов, людей и существ, своего мира. Унизительнейшее надо признать чувство. Еще и сердце замерло от острой боли, что была вызвана совсем не сдавливанием.

Не уберегли мою пару. Мою, Суженую!

Как же так! Как же!

Я взвыл от отчаянья и боли как физической, так и душевной и рёв мой слился с оглушительным раскатом грома и

ослепительной вспышкой молнии.

Меня сотряс резкий удар, следом пришло облегчение. Огромный питон, что сдавливал меня, рассыпался миллиардами красивых серебряных искорок. И я почувствовал, как стремительно падаю вниз. Попытался взмахнуть поломанными крыльями, но снова лишь отчаянно взвыл от боли и бессилия. Продолжая, стремительное падение в вечность.

Глава 10

У богов уже давно нет единого физического воплощения. На то они и боги. Они уже много тысяч лет являются чистой энергией и могут принять тот облик, который больше всего подходит для максимального их восприятия конкретным человеком.

И сейчас я видел Велеса,¹⁰ именно таким, каким всегда его представляла Ведара.

Рядом со мной, в лодке, сидел высокий, худощавый, седовласый старец. С тяжелым взглядом темно-голубых, ясных глаз. В его правой руке был массивный дубовый посох.

Божество загадочно улыбалось, смотря на меня. Эта улыбка не напрягала и не тревожила. Был лишь интерес к тому, что будет дальше.

Мы плыли по реке Смородине, что отделяла мир живых от мира мертвых. Велес – паромщик, хранящий ключи от Ирия, так народ Ведары, райские сады именуется. Вот уж не думал, что удостоюсь в сию лодочку сесть, хоть когда-нибудь.

Хотя, возможно, достаиваюсь вовсе и не я.

---

¹⁰ Велес – Одно из верховных божеств у древних славян, в равной степени познав и тьму, и свет Велес покровительствует, магам, волхвам, путникам, поэтам торговцам. По легенде именно он переправляет души в мир Нави, и именно он выпускает достойных в Ирий – рай. Так же является хранителем Нави и защитником яви.

Речка вся была заполнена густым, зеленоватым туманом. Поначалу, я испугался, приняв его за проявление безтелесных. но божество уверенно заявило:

– Нет им более хода в наш мир, а тебе впредь, выхода из своего не будет. Ни при сей жизни, ни при следующей.

Я покорно кивнул, справедливо. Да и не хочется мне в чужом мире воплощаться. В своем, какой бы он не был, все близкое, родное.

Вокруг меня закружились мелкие, блестящие, серебряные искорки. И я затаил дыхание, боясь спугнуть добрую, божественную волю.

Искорок становилось все больше, они слетались все кучнее и кружили вихрем все быстрее. Пока наконец не соединились вместе окончательно, фантомом Ведары.

На моих глазах свершилось величайшее из чудес – Вышние заново собрали, возродили ее душу.

Божество снова довольно улыбнулось. Удовлетворившись проделанной работой.

– Волею брата моего, Перуна, за то, что за спасение земель наших, жизнью своих не жалели, дозволяется прожить вам предначертанное! – торжественно провозгласил верховный. – Цените дарованное. Да будет во благо!

Велес стукнул об дно лодки посохом, что держал в правой руке и нас двоих, сдуло с его лодки словно легкие перышки.

Сначала мы летели с невероятной скоростью в густом тумане нави, потом в искрящейся золотистой энергии, потом

в приятной голубой. А потом, глубоко вздохнув, я открыл глаза.

Я лежал в своей постели, в своих покоях и чувствовал себя, очень хорошо, если не считать, зверского голода и желания еще повытягиваться, не вставая с постели. Но вот душевно, хуже меня, сейчас вряд ли кому-то было.

– Хвала Творцу всевышнему! Ты жив, брат! – услышал я восторженное восклицание Варуна, у себя в голове.

– Жив, а что толку. После того позора, что я пережил, я не могу более оставаться владыкой. Подготовься, вечером проведем церемонию, я передам тебе венец владыки. Для меня, прикажи подготовить крепость над пропастью, в Загорье.

– Да, о чем ты, брат! – поразился Варун. – Отдохни, успокойся. Тебе выспаться нужно.

– Они сломали мне крылья. Они раздавили меня словно мошку. На тот момент, меня спасла жена. Ценой своей жизни, спасла! А тело, как я понимаю, вы спасли?

– Да, почуяли неладное и подкинули тебе сил, воспарить и не разбиться, – зазвенел в голове голос Гурата, второго брата. – Но тебе не в чем себя винить. На ту сеть, поразившую тебя, безтелесные бросили все свои силы. В одиночку, никто бы не выстоял. Никакого позора, тебе как владыке, здесь нет. А девчонка, хороша. Воистину лишь тебя и достойна.

– Вот ей венец владычицы и передайте! Она сильнее меня, признаю.

– Ты сам сегодня наденешь на нее венец супруги своей и

посадишь по правую руку от себя, как и полагается, – Варун, судя по голосу, улыбался мне как ребенку. Но мне было совсем не до смеха. Я понимал, что веду себя сейчас недостойно, но мне сломали крылья! Крылья! А спасла меня девчонка! Девчонка раз в сто меня слабее. – Да где видано, чтобы жена, мужа по силе превосходила! Что это за позор мне такой! Смириться с этим, выше моих сил! – я почувствовал, как задыхаюсь от собственного огня, бушующего в моей крови.

– Зато эта, точно не сгорит, от твоего пламени. С первой же ночи понесет и родит тебе очень сильного наследника, а затем, еще и еще. Именно за счет своей силы. Другие, как ты сам мог убедиться, с этим не справляются.

Как бы мне не хотелось это сейчас признавать, Гурат, бесы его раздери! Был абсолютно прав.

– Я не тебя спасала, а землю свою и народ свой, – услышал я сухой голос слева от себя.

Осторожно повернулся, Ведара сидела в постели, одной рукой прижимала к себе одеяло, а другой утирала слезы, котящиеся из глаз.

Я подскочил словно пчелами ужаленный – она, что, слышала мой разговор с братьями?

– Если твоя гордость и самолюбие превыше твоего долга, просто верни меня домой и все. Я до самой своей кроды,¹¹

---

¹¹ Крода – погребальный костер. В древности людей сжигали согласно верованию в то, что так душе легче проститься с нашим миром и перейти в другие

тебе искренне благодарна буду.

– Не могу. Ты разве не слышала, что сказал Велес: отныне, проход в ваш мир закрыт наглухо.

– Для тебя, но не для меня. Где у вас переходят? Покажи, – огромные зеленые глаза так и вспыхнули огнем решимости.

– Я не могу тебя отпустить, – произнес глухо, каждое слово давалась с трудом.

Да девчонка спасла мне жизнь, но сама того не понимая, сделала для меня отнюдь не благо. Умереть, для меня, в той ситуации, было бы куда почетнее и достойнее. И раз уж я остался жив, долг перед родом исполнить-таки надо. Возможно, для этого жизнь и дарована.

– Ну, да. Должность племенной кобылы та, занять больше не кому! – девушка горько усмехнулась, затем отвернулась от меня и уткнулась головой в колени. Понимает, что, я жутко зол на нее, но не понимает почему? Ведь благодарен вроде как, быть должен. А я не благодарен, еще и прямо указываю, что она нужна мне лишь как самка-матка.

Зараза!

Будто ты не знала, для чего суда едешь!

– Участь племенной кобылы, для прочих в стойле, весьма завидна, между прочим, – процедил сквозь зубы.

Утешитель из меня не очень, Согласен.

– Ровно до тех пор, пока она не утратит силы приносить крепкое потомство.

Злобно, в тон мне отозвалась Ведара.

Я чувствовал исходящие от нее горечь, отчаянье, страх и обиду, которые я только что весьма усугубил последними ответами. Аж самому стало горько. Не с того я начал наш первый разговор после пережитого. Ой, не с того.

Тяжело вздохнув, присел к ней поближе:

– Прости, но с кобылой ты сама себя сравнила. Уже говорил и повторяю: здесь ты госпожа! Повелительница! В тебе будут нуждаться и внуки, и правнуки. Именно ты, с женской стороны моего рода, станешь Великой матерью нашего рода. Как при жизни, так и после, все наши потомки именно к тебе за советом и благословением обращаться будут. В краях, откуда ты родом, таких женщин называют Ведающими матерями или ведьмами. У нас, Великими. Быть Великой Матерью правящего рода, для тебя не честь, не должность?

– Честь, да такая, что боюсь, спина от ее груза переломится, – супружница явно огрызнулась.

– Боги мудрые, не пошлют, то, что не по силам, человеку сотворить, познать либо вынести.

Сказал ласково, погладив рукой мягкие, длинные волосы, что так похожи на языки моего пламени по цвету. А она вскинулась, развернулась, посмотрела прямо в глаза с вызовом и ударила в самое сердце, изо всех сил своего женского коварства.

– Но тебе же не по силам, оказалось, вынести свое поражение и мою силу, да настолько, что от трона своего сбежать

готов.

Мой огонь тут же бурей вскипел в крови! Дерзкая девчонка! От смерти, тебя сейчас спасает лишь то, что ты не понимаешь, о чем говоришь!

– Передать Венец Владыки, после всего случившегося – мой долг. – Пояснил, изо всех сил стараясь сдерживаться – не рычать от переполнявшей меня ярости. – Поверженный владыка – бывший владыка. Народ не примет слабого правителя. Ибо теперь он для них бесполезен и даже опасен.

– Но ты спас наш мир! Твой же от этого не рухнул! Как я понимаю. Все хорошо.

– Я не спас. Я лишь немного подсобил верховным хранителям твоего мира. Кстати, будь готова, к тому, что мой брат, захочет взять тебя в наложницы. Жена, к твоему несчастью, у него уже есть. Но ты так же будешь ему рожать и жить будешь в почете и уважение, до конца дней своих.

Будь у Ведары чуть побольше смелости, или безрассудства, она б ей богу вцепилась бы мне в глотку сейчас, а так, лишь огонь в глазах сверкает, но такой ярый, что я от зависти позеленеть уже готов.

– Никогда! Ты слышишь меня, дракон! Никогда и не для кого! Второй, я не буду! – прошипели мне в лицо крайне злобно.

Глава 11

Огонь в глазах Веды бушевал ураганом сжигая все на своем пути, и мой огонь просто не мог не отозваться.

Я потерял самообладание всего лишь на секунду, но этого хватило, чтобы девчонка, испуганно охнув, оказалась подомной.

Она была невероятно горячей, и мой огонь взбесился окончательно. Он рвался слиться с ней. Немедленно, сейчас же!

Отпустив контроль над собой, я нетерпеливо покрывал поцелуями ее нежную шею, плечи, сминал руками ее округлые бедра. И чувствовал, как она дрожит всем телом, но не от страсти и нетерпения, как я, а от страха и омерзения.

Я ей противен! Еще больше ей противны мои ласки, но она лежит покорно, не сопротивляется, не отталкивает, и даже не всхлипывает. Плачет беззвучно. Отвернувшись и закрыв глаза, а руки ее со всей силы в бессильной ярости сжимают простынь. Девушка напряжена до предела, но покорна. Понимает, что деваться ей не куда, а от сопротивления лишь больнее будет.

А еще, ей очень не хочется в наложницы. Предпочитает быть единственной женой.

Что ж, весьма похвальное стремление.

Я нежно собираю губами со щеки ее слезы и прошу:

– Посмотри на меня, Веда. Посмотри, пожалуйста.

– Не могу, – еле слышно хрипит она.

– Должна смочь. Посмотри! – чуть повышаю голос.

Веда повинуется, поворачивает ко мне голову и смотрит на меня глазами полными слез. Ее душа вопит сейчас от боли и моё сердце болезненно сжимается в ответ. А её слезы раскаленными шипами вонзаются в мое самолюбие.

Притягиваю её испуганный взгляд толикой магии, чтоб был контакт глаза в глаза и шепчу чётко и чувственно:

– Послушай и запомни, девочка! Отныне у тебя есть я! Только я! Я не кому тебя не отдам и не позволю, чтобы в нашей постели был кто-то еще, пусть даже этот третий, лишь в твоей голове, сути это не меняет! Ты должна принадлежать только мне. И телом, и мыслями. Не отталкивай меня, позволь мне добиться твоего расположения.

– Я же здесь. С тобой, добивайся, – говорит, а голос равнодушный хриплый, не живой, обреченный. И во все ей и не нужно, чтобы ее добивались.

И это неожиданно режет меня словно острый нож.

Никому я ее не отдам! Никому! Не смогу разделить даже с братьями. Я слишком долго ее ждал! Слишком долго засыпал один, чтобы теперь еще и делиться ею.

Нет! Ее огонь должен греть только мое тело! Должен освещать только мою душу!

Я смалодушничал. Показал слабость не тогда во время сражения, там, безтелесные объективно были сильнее меня,

и я сделал все, что мог. Залатать портал в мир Ведары, на тот момент, было гораздо важнее, чем тратить силы на борьбу с ними.

Смалодушничал я, придя в себя и буквально устроив истерику. Вот это поведение, воистину владыки не достойно.

Но что поделаешь, такова наша огненная натура, мы слишком вспыльчивы, по поводу, а иногда и без.

Что ж, случившееся станет мне уроком. Впредь, я такого себе уже не позволю, а сила моя в том, чтобы признать свои ошибки, сделать выводы и пойти дальше, как и подобает истинному владыке. Я должен быть примером своим подданным во всем.

– Прости меня, – шепчу тихо и впервые касаюсь ее губ, сухих от волнения и страха, но меня радует, что она не сжимается и не сжимает замком зубы. Как только мой язык в них упирается, она покорно позволяет пройти ему глубже. Это пьянит и кружит голову, но на этом все. Она не подается своим языком навстречу моему, не пытается с ним поиграть. Просто не препятствует моему вторжению.

Что ж, посмотрим, сможешь ли ты и дальше оставаться столь же безучастной.

Я медленно спускался губами вниз по ее тонкой шее, что была покрыта мелкой гусиной кожицей, раз и еще раз прокладывая дорожку нежных поцелуев. Разогревая кожу, делаю ее чувствительной, и вот, пройдя по коже самым кончиком языка, с удовольствием услышал, как дыхание Веды углуб-

ляется.

Окрыленный этим очень медленно спустился ниже, накрыл губами сосок и начал играть с ним языком, добиваясь твердости, а второй, очень мягкий аккуратно и нежно, то оттягивал, то вертел между пальцев. Чередовал ласки, и совсем скоро праздновал победу. Ее плоть налилась тяжестью и стала невероятно чувствительной. Теперь прикосновения моего языка и моих пальцев к ее затвердевшим розовым соскам, вырывали тихие, но такие сладкие, стоны из ее горла. Она приняла мою силу, позволяла ей проходить через все свое тело и наполнять его блаженством.

Огонь тела Веды отзывался моему огню, помимо воли ее разума.

– Не надо, пожалуйста, – тихо, в отчаянье, простонала супруга, когда я двинулся губами вниз по ее животу, слегка прикусывая и тут же зализывая его кожу. Понимая, что она безвольна передо мной, и, если я сейчас спущусь чуть ниже, и мой язык станет ласкать потаенное, она не выдержит, сдастся мне окончательно и предаст своего любимого.

Она в шоке. Она не ожидала, что это случится так быстро. Она надеялась лежать не двигаясь, терпеть меня, отвернувшись и закрыв глаза. Пытаться представить своего любимого, чтобы было хоть немного легче.

Не выйдет, дорогая! Третьего в нашей постели не будет никогда! Даже в твоих мыслях.

– Ты же понимаешь, что это неизбежно? – спросил, от-

странившись и нависнув над ней.

Девушка лишь снова сжалась и отвернулась.

С тяжелым вздохом я встал с постели и подхватив ее на руки понес в купальную.

У меня на руках девушка невероятно напряглась, но вела себя тихо. Прижималась ко мне всем телом, так, что я слышал, как по-птичьи быстро колотится ее испуганное сердечко.

Ее страх не доставлял мне радости. Прежние мои жены себя так не вели. Они были преисполнены гордости и радости, что я их выбрал. Были покорны и податливы. И то, сгорали, не выдерживали силы моего пламени. Так неужели эта настолько сильна, что даже ничуть нехотя меня, ненавидя и боясь, сможет подарить мне наследника?

Эхх, поторопился я. Рано надел обручающее кольцо. И чем только думал, спрашивается? Ей бы еще невестой побыть, привыкнуть ко мне. Я бы смог добиться ее расположения, чтобы уж точно и наверняка. Но обручальное кольцо требует, чтобы я сегодня же испил с ней одну на двоих чашу жизни, надел на нее венец Владычицы, подхватил на руки, унес в свои покои, а утром предъявил боярам, генералам и членам семьи, окровавленную простынь.

С другой стороны, если поторопился, значит так оно и угодно богам.

Очень аккуратно, я спустился в круглую купальню с женой на руках и осторожно посадив ее в теплую воду, добавил

мыльный раствор из склянки, стоявшей на широком бортике.

По купальной сразу разнесся приятный тонкий запах наших горных трав, что расслабляют и успокаивают, а вода покрылась белой, нежной пеной.

Ведара по-прежнему смотрела на меня с диким страхом, а мне же нужно было, чтобы она расслабилась.

– Закрой глаза, – попросил тихо.

Она покорно закрыла, но тут же задышала глубоко и прерывисто.

Ей страшно, очень, страшно. Настолько, что бедняжку аж затрясло и кожа стала гусиной.

Бойтся, что сделаю больно, что останусь недовольным ее зажатостью, но ничего поделать с собой не может. Все эти мысли безумным роем мечутся в ее голове.

Беру с бортика мягкую мочалку, окунаю в пену и начинаю нежно растирать руки жены. Сначала одну, потом вторую. Она медленно, но неуклонно расслабляется. Теплая вода и успокаивающий аромат трав, делали свое дело.

– Я не опасен тебе, Веда. Я очень постараюсь не причинить тебе боли, ни телесной, ни душевной, доверься мне, прошу! – шептал как можно ласковее, нежно растирая ее плечи, до вечера, я должен максимально ее к себе расположить. Если она будет зажата в самый ответственный момент, все может закончиться весьма плачевно.

– Я постараюсь. – Веда вздохнула и судорожно выдохнув,

произнесла, пожалуй, самое главное для себя. – У меня ведь просто нет выбора.

Ну да, как же! Гордую полянку, княжескую дочь, пусть и зачатую в блуде, лишили выбора! Для тех, кто с рождения, высокомерно зовет себя прямыми потомками богов своих, это неслыханное унижение. В ее краях, пусть и негласно, но всегда выбирает женщина. Если девушка не хочет парня, то, как бы не был выгоден ее родителям этот союз, настаивать, они не будут.

Хорошо, что она сама понимает, что выбора у нее нет, и значит, скоро смирится, подладится и под меня, и под наши правила, а там, глядишь, я и сердце ее получу.

Вот только свое, я ей никогда не отдам, оно уже отдано навеки и из жизни в жизнь, лишь одной.

Веда, конечно, будет это чувствовать и из женской гордости и упрямства будет пытаться это изменить, что для совместного проживания совсем и неплохо.

– Если тебя утешит, то я ведь тоже, ровно в таком же положении, у меня ведь тоже нет выбора, Веда. Так давай же облегчим участи друг друга, взаимным уважением и поддержкой.

– У тебя ведь тоже, однажды, дотла выгорело сердце. Ты же знаешь, как это больно. Ты же знаешь, что это необратимо калечит душу. Зачем заставляешь меня пережить тоже? Зачем так жесток? – тихо спросила она, не открывая глаз и даже не пытаясь удержать слез.

Сердце мое сжимается тупой болью. На миг прикрываю глаза и выдыхаю.

– Мне жаль твою любовь, Веда. Но у меня нет выбора. Ты одна из тысяч! Одна! Которая мне подошла! Мне подошла и теперь только моя. Ты забудешь его очень скоро, обещаю.

Веда вскинулась и глядя мне прямо в глаза заявила:

– Не хочу забывать. Воспоминания о нем, будут давать мне силы для жизни с тобой. Ради него, ради его благополучия, понимаешь.

– Понимаю, но совсем скоро, воспоминания о нем растворятся как сон, станут тебе не нужны и не важны. Прекратят терзать твою душу. Наш семейный союз, перестанет для тебя быть жертвой и станет благословением, обещаю.

– Не обещай. Полюбить меня, ты не сможешь. Я – не она, – произнесла сухо, обреченно, словно приговор самой себе.

Ты права девочка! Как же ты права!

Кулаки и зубы сжались аж до хруста, сердце заполнилось давящей болью, дыхание замедлилось.

Эта всепоглощающая тоска, отпустит лишь при нашей новой встрече, а до нее еще очень далеко. Ведь выполнить вместе долг перед родом, у нас так и не вышло. Это теперь должен сделать я. Без нее.

Веда вдруг положила свою руку мне на грудь, и я почувствовал ее жар. Она хотела поделиться со мной спокойствием, хоть и сама в нем отчаянно нуждалась, а моя боль таки тронула ее душу, даже несмотря на то, что я сам был источ-

ником её боли, но моя боль отзывалась в ней так же чутко, как и ее боль во мне. Мы уже стали с ней, единым целым даже еще не испив чашу, и не пройдя обряд единения.

Я такого никогда еще не видел! Это невероятно, но похоже мы уже стали с ней, единым целым! Даже еще не испив чашу, и не пройдя обряд единения. Хотя все вполне объяснимо:

Она спасла мою жизнь, а это связывает куда прочнее иной раз, чем семейный союз.

– У душ, наверху, свои задачи и цели, а грусть и тоска близких сильно отвлекают. Думая о ней с тоской, ты посылаешь ей тяжелые энергии. Разве не знаешь об этом? Вспоминай светлое, радостное, посылай ей светлые энергии.

– Я знаю о круговороте энергии в мироздании. Все понимаю, но думать о ней только в свете, не всегда выходит. Мы две половинки одной души, разделенные, на мужскую и женскую. Для сбора большего опыта. Понимаешь? Так, что нет в прямом смысле половины меня, от того и тоска, и пустота с которыми невозможно смириться.

Рассказал все, как есть, чувствуя, что она поймет, не приревнует и не сочтет бредом и романтической блажью. Просто поймет.

– И все ж, старайся больше склоняться к свету, от того и сам им наполнишься, – с сочувствующей улыбкой посоветовала супружница.

Я тут же ухватился за эту ниточку.

– А ты помоги, – я повернул голову Веды к себе и коснулся ее на сей раз мягких губ, нежным поцелуем.

Женщины любят пожалеть, исцелит раненое сердце, утешить. Почему бы на этом и не сыгратся, на наше общее благо.

Она снова покорно впустила мой зык в свой рот и на сей раз ответила, прикоснувшись к нему своим и оглушив тихим стоном. Он прошиб все мои нервы, все мои клетки, огонь в крови снова разбушевался, заполняя меня без остатка, казалось, сейчас, я способен даже в своем человеческом облике горы свернуть. Прижал ее к себе одной рукой, другой ласкал под мягкой пеной уже напряженные соски. Предельно напряженный член болезненно дергался, требуя столь долгожданного наслаждения. Но нельзя, не сейчас.

И вдруг рука Веды сама легла на фаллос и сжала его. Это было с ее стороны так естественно и уверенно, что сразу стало понятно, сейчас она сделала это не осознанно, поддавшись, чувствам, но она уже делала так раньше.

Тешилась со своим любимым в прогретой солнцем теплой речке?

Эта мысль неожиданно вызвала острый приступ раздражения.

Я слегка отстранился, взял ее за подбородок, приподняв голову, чтобы смотрела мне прямо в глаза, и строго заявил:

– Ты моя, Веда! Теперь, ты только моя!

– Я поняла! – паршивка со всех своих сил, до боли сжала мой закаменевший член. – Запомни и ты, что я сказала тебе! Второй, я никогда и ни для кого не буду!

О девочка! Знала бы ты только, что со мной сейчас делает твой огонь в глазах!

– Прикажи удалить из дворца всех, с кем когда-либо делил ложе, еще до того, как я покину твои покои.

Глаза мои невольно расширились.

– Ты ведешь себя сейчас, ровно так же, как твоя мачеха, – просто не мог не напомнить я.

– Она была в своем праве, поскольку изначально, еще до свадьбы, предупредила мужа, что вторых жен не потерпит, и я даже не могу ее осуждать за то, что мать мою извела. Это князь нарушил клятву и обещание, а не она. С него и спрос. У тебя же их много и рады мне они не будут.

– Будут, еще как будут. Каждая из них знает, свое место, знает, что никогда мне не родит. Знает, что только игрушка на ложе, способ сбросить животное напряжение, без каких-либо чувств. Я даже лица их не запоминаю. Не одна из них не может разжечь огонь в моей крови, так, как уже получается у тебя, девочка. И да, я их уберу, как только пойму, что тебя одной, мне достаточно. Так, что, старайся, как следует, жена моя.

Глава 12

Ведара

Какое странное, однако ж, ощущение. Ощущать себя тысячью частиц разом.

И там я, и там, и вон там тоже. Много меня. И каждая моя частичка непередаваемо красива в своем сиянии. Совершенна.

Выходит, даже когда сама душа исчезает, сознание не пропадает?

Или мне кто-то намеренно его удерживает?

Мои частицы вдруг резко и на огромной скорости полетели вниз. Завертелись, закружились стремительным вихрем, соединяясь воедино.

То заново собиралась моя душа в мой привычный образ Ведары, прислужницы кнесенки Заполья. Некогда, счастливой, беззаботной, горя отродясь не знавшей. Я снова чувствовала себя большим единым существом. Со зрением и слухом, но необычайной легкости. Словно тело мое ничего и не весило.

Я оказалась в небольшой лодке подле мужа, а напротив сидел сам Велес. Один из верховных покровителей Заполья.

И по милости Перуновой, да с его, Велеса, благословления, даровано нам было в тела наши возвратиться, да предначертанное прожить.

Не стану скрывать – я опечалилась. Думала, что радость мне будет хоть в том, что от брака с нелюбимым освобожусь. Но коль на то, действительно воля вышних, женой ему быть, я смирюсь, приму, во всем старательна буду и к мужу почтительна.

Полюбить не смогу, но того и не требуют.

Но вернувшись в тело, и еще не открывая глаз, я отчётливо услышала мысленный разговор мужа с братьями.

Супруг был совсем не рад тому, что я его спасла и что боги, своей милостью даровали нам жизнь. То, что Бездельные оказались его сильнее и то, что, я спасла ему жизнь, стало для дракона неслыханным унижением. Да таким, что он венец владыки, брату передать хочет, а себя намерен в какой-то башне заточить.

А еще, я прямо чувствовала, как в его крови, кипит не то, что злоба, ненависть ко мне.

Жгучая обида заполнила все мое сознание и душу!

Я, спасая его, погибла! Сама моя душа из-за него распалась на тысячи частиц. Я осталась жива, только благодаря великой милости вышних и удостаиваюсь лишь лютой ненависти за все это!

Но отпускать меня он отказался. Еще бы! Кто ж тогда ему рожать будет!

Поняв, что слишком груб, он попытался смягчить, сказал, что меня ждет высшая честь быть Великой его рода. Что мне будут поклоняться, наши дети, внуки, правнуки и те, кто будет после. Правда, если меня его брат в наложницы не забереет.

Возможность такой судьбы стала настоящим ударом!

Быть наложницей после всего, что я узнала о своем прошлом – хуже смерти и вечной каторги для меня.

Зависеть от воли старшей жены? Выждать ночи напролет, когда милый соизволит потешиться и со мной? Ни за что! Никогда!

Так мужу и заявила! И пусть хоть сожжет теперь на месте. Все одно – руки на себя наложу, если в наложницы возьмут!

Но реакция мужа, оказалась совершенно иной: он опрокинул меня на постель и начал покрывать мое тело нетерпеливыми и горячими поцелуями. А я облегченно выдохнула и замерла не мешая.

Не отдаст! В наложницы не отдаст! Пощадил-таки мою гордость! Уважил непокорность судьбе. Хвала богам! А может благодарность за спасение таки, проявляет?

Муж не делал мне больно, хоть и весь горел от страсти, а не торопился. Даже, вроде как приласкать старался, чтобы и мне хорошо стало. Но кто бы только знал, как противен мне был жар его тела. Как давила на меня его сила, как оттолкнуть мне его от себя хотелось. Умолять не трогать, отпустить к любимому.

Но нельзя. Бесполезно и опасно. Смириться с волей богов, оказалось ни так-то и просто. Но я стерплю. Я привыкну. Он умел и горяч и со временем, я надеюсь, мое тело научится ему отвечать.

А пока что, я лежала крепко зажмурившись, сжав зубы чтобы не завывать от отчаянья и сминая в руках простыни, чтобы не ударить его.

Молила свое тело не чувствовать его обжигавших поцелуев, но оно не слушалось, чувствовало.

Неожиданно от него ко мне прошло тепло, которое затапливающей волной разлилось по каждой моей клеточке. Напитало ее, и сделало все мое тело невероятно чувствительным.

Теперь я не могла спокойно переносить его ласки, они пьянили, будоражили, дарили вихрь будоражащих ощущений.

Я не понимала, что происходит. Новые ощущения были слишком сильными! Очень скоро они заполнили, меня всю. Терпеть было больше невозможно. Я закусывала губы, чтобы не кричать. Меня било дрожью от каждого прикосновения мужа, энергия скапливалась и пульсировала в самой нижней, самой чувствительной моей точке.

Такое уже бывало с Михалом. С любимым. Но почему это происходит с тем, кого я не люблю? С тем, кто мне противен? Пусть это и мой муж, но так ведь не должно быть, не сразу!

Разум отчаянно бунтовал, но, я чувствовала, что еще

чуть-чуть и я переступлю ту грань, что с первого раза, с нелюбимым не дозволена. И может так и нужно. Быть может, это сами боги помогают мне принять Огнедара, что б мое главное предназначение родить ему, свершилось сразу и противится, не стоит, но я не смогла.

– Не надо, пожалуйста, – попросила уже в отчаянье.

– Ты же понимаешь, что это неизбежно? – спросил муж, и я была уверена, что он сейчас не о потере невинности.

Я понимала. Я все понимала. Но не сейчас! Не сразу!

Не нашлась что ответить. Молчала.

Муж встал, взял меня на руки, отнес в купальню и бережно посадил в большую лохань с теплой водой.

Какой же он горячий!

Прикосновение к нему, обжигает. Я чувствовала его внутреннюю силу, что бурлит под его кожей и мышцами. Его драконий огонь невероятно мощный. Его сердце бьется все быстрее. Неужели, я настолько его волную?

Вода расслабляет и запахи трав из мыльного состава, что добавил в воду, тоже. Значит, он хочет взять меня в воде, чтобы мне было не так больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.